

ISSN 2522-1787

Новые горизонты русистики

2023

№ 3 (21)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**

Ответственный секретарь — к. филол. наук **Н. В. Гладкая**

Технические редакторы — **В. А. Рязанова, А. С. Бурляй**

Члены редколлегии: к. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); к. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д. филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); к. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); к. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); к. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**

Executive Secretary — Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**

Technical editors — **V. A. Ryazanova, A. S. Burlyai**

Members of the Editorial Board: Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Bezrukov** (Birk branch of the Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. G. Yevseeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology **A. V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Prof. **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS); Candidate of Philology, Associate Prof. **V. I. Mozgovoi** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Yu. Sidorova** (Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State Pedagogical University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включен в базу РИНЦ (лицензионный договор №308-07/2018).

Издание зарегистрировано Министерством информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ААА № 000148 от 20.06.2017 г.)

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +7 856 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Ученого совета Донецкого государственного университета.

Протокол № 5 от 31.05.2023 г.

© Донецкий государственный университет, 2023

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 3 (21)
2023

С о д е р ж а н и е

Словообразование и грамматика

- Бондаренко А. Н.** (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко) Языковые особенности слов-композигов в русском языке: лексикографическая фиксация 4
- Монгуш А. А.** (Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова) Структурно-функциональные особенности падежной системы в русском и тувинском падежах 10
- Борозенец Д. И.** (Донецкий государственный университет) Словообразовательная категория «лицо — исполнитель действия» в семантическом поле когнитии 14
- Брацун Д. А.** (Донецкий государственный университет) Принципы описания аббревиатурного ономастического поля «точечные объекты» 21
- Кириченко Т. А.** (Донецкий государственный университет) Псевдоунивербализация сложносокращенных онимов 27
- Смирнова И. Р.** (Донецкий государственный университет) Особенности формального выражения неинициальных абброконструктов в русском языке 32

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Новиков С. Д.** (Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва) Образ Пугачёва в произведениях А. С. Пушкина 39
- Калмыкова Д. А.** (Донецкий государственный университет) Структура лексико-семантического поля «застолье» в произведениях Н. В. Гоголя 46
- Харьянова Д. В.** (Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва) Сравнение сюжетов «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина и «Белоснежки» братьев Grimm 52
- Кормилаева А. А.** (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского) Об ассоциативном потенциале антропонимов в повести Дины Рубиной «Двойная фамилия» 58
- Пилатовская С. В.** (Донецкий государственный университет) О семантике колоративов в художественном тексте 64

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 3 (21)
2023

C o n t e n t s

Derivation and Grammar

- Bondarenko A. N.** (Shevchenko Pridnestrovian State University) Linguistic features of composite words in russian: lexicographic fixation 4
- Mongush A. A.** (Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov) Structural and functional features of the case system in the russian and tuva cases 10
- Borozenets D. I.** (Donetsk State University) The word–formation category "person — performer of action" in the semantic field of cognition 14
- Bratsun D. A.** (Donetsk State University) Principles of description of the abbreviate onomasiological field "point objects" 21
- Kirichenko T. A.** (Donetsk State University) Pseudo-univerbalisation of compound-abbreviations names 27
- Smirnova I. R.** (Donetsk State University) The features of non-initial abbrokonstructs formal implementation in the russian language 32

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Novikov S. D.** (Reshetnev Siberian State University of Science and Technology) The image of Pugachev in the works of A. S. Pushkin 39
- Kalmykova D. A.** (Donetsk State University) The structure of the lexico-semantic field "feast" in the works of N. V. Gogol 46
- Kharyanova D. V.** (Reshetnev Siberian State University of Science and Technology) Comparison of "The tale of the dead princess and the seven bogatyr" by A. S. Pushkin and "Snow White" by the brothers Grimm 52
- Kormilaeva A. A.** (Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky) Associative potential of anthroponyms in Dina Rubina's novel "Double surname" 58
- Pilatovskaya S. V.** (Donetsk State University) About the semantics of coloratives in a literary text 64

Словообразование и грамматика

УДК 8.81

*А. Н. Бондаренко**Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. С. С. Полежаева)*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ-КОМПОЗИТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ

В статье, посвященной актуальной проблематике заимствованных сложных слов в аспекте их словообразования, рассматриваются композиты с иноязычными компонентами. Цель — определить статус компонентов и степень их ассимиляции в русском языке. Описание проводится на материале «Словаря композитов русского языка новейшего периода» и базы Национального корпуса русского языка. Делается вывод о различиях в деривационном потенциале частей композитов, обусловленном динамическими процессами в русском языке.

Ключевые слова: композит, «Словарь композитов русского языка новейшего периода», степень ассимиляции.

1. Введение. Научные исследования по словообразованию среди изменений русского языка конца XX – начала XXI вв. отмечают «резкое увеличение потока английских заимствований» [13, с. 30]. Среди них значительный пласт составляют сложные слова, или композиты. Они неизменно служат объектом изучения дериватологов, им дают разнородные терминологические номинации и обсуждают их неоднозначный статус: являются ли композиты принадлежностью словообразовательной системы языка или остаются в рамках исключительно морфемики. Не ставя перед собой цель осветить эти сложные и очень важные вопросы глубоко и подробно, мы остановимся на них в той мере, чтобы реализовать цели данной статьи — 1) описать языковые (орфографические, лексические, семантические, словообразовательные и др.) особенности некоторых композитов, имеющих в своем составе иноязычные сегменты, которые представлены в словарях русского языка, 2) проанализировать их/или их сегменты с точки зрения степени ассимиляции в русском языке (в том числе образования производных слов) и функционирования этих слов (или их сегментов) в русской речи. Основным лексикографическим источником для выборки композитов является собственно «Словарь композитов русского языка новейшего периода» [2] (далее — «Словарь композитов») Н. В. Габдреевой и М. Т. Гурчиани, опубликованный в 2012 г., а также (фрагментарно) некоторые разноаспектные словари русского языка (словообразовательные, толковые, этимологические, орфографические, словари иностранных слов). Для иллюстрации использования слов-компози́тов в речи использована база Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [10], а именно газетный корпус «Центральные СМИ». Со времени публикации [2] прошло десятилетие, поэтому вопросы, определенные целями данной работы, вызывают исследовательский интерес. **Актуальность** темы обусловлена необходимостью углубления и расширения знаний в области неологии и словообразовательных процессов, отражающих развитие языка, для более детального описания специфики русской языковой картины мира.

2. Обзор работ и методика изучения. Описание сегментированной структуры слов-компози́тов неизбежно связано с понятием свободного / связанного корня слова в концепции Г. О. Винокура (представленной в его классической работе 1946 г. «Заметки

по русскому словообразованию»), в работах Е. А. Земской [5], Е. С. Кубряковой [9], где исследователи видят в связанном корне нерасторжимую связь с аффиксами. Результаты развития научных идей этих фундаментальных трудов представлены в современных исследованиях (Е. В. Петрухиной, [12] Е. В. Клобукова и С. В. Гудиловой [7], Л. В. Рацибурской [14] и др.).

Т. В. Жеребило в композитах видит сложные слова, «имеющие особый тип словообразовательного значения», выделяя среди них такую разновидность, как сложные слова «с первым неизменяемым связанным компонентом: *авиапочта, рок-группа*» [4, с. 160]. Как отмечают исследователи, в современном русском языке продолжает оставаться спорным вопрос о статусе наименований, в состав которых входят иноязычные части типа *арт-, микро-, авто-, аква-* и под. Е. В. Петрухина считает иностранные части (*арт-, медиа-* и под.) в составе сложных слов-неологизмов (типа *арт-группа, медиамагнат*) словообразовательными формантами особого типа — радикасоидами. Будучи иноязычными по происхождению, они развивают на русской почве активные деривационные процессы [12]. Е. В. Клобуков и С. В. Гудилова не усматривают словообразовательный статус у указанных элементов сложных слов, поскольку считают элементы типа *гелио-, макро-, блиц-, гидро-* и под. связанными компонентами членимых, но непроемных слов, называемых ими не композитами, а квазикомпозитами [7]. Н. В. Габдреева и М. Т. Гурчиани определяют композиты как новые, современные номинативные единицы, заимствованные или образованные в русском языке по различным моделям [2]. Определим понимание данного термина в настоящей статье: **слова-композиты** — это номинативные единицы, заимствованные или образованные в русском языке по различным словообразовательным моделям, созданные в результате компоновки (соединения, сложения, сочетания) двух (или более) языковых единиц.

3. Основная часть. В данном материале отразим результаты предпринятой попытки соотнести понятия свободного / связанного корня с сегментами слов-композитов в аспекте ассимиляции слов и/или их сегментов в русском языке. Основанием для анализа служит **критерий «степень спаянности и ассимиляции компонентов в языке-рецепторе»** [2]. При этом подчеркнем, что, как отмечают сами авторы, «словарь не является нормативным: он предлагает переводные варианты значений композитов так, как они складываются в русской речи» [2, с. 6]. Следовательно, как нам представляется, результаты нашего исследования слов-композитов (или их сегментов) в части фиксации в ряде лексикографических источников и речевом употреблении могут несколько различаться. Создателями словаря разработаны четыре разновидности композитов: 1) композиты, в которых ассимилировался только один компонент, 2) композиты, в которых оба компонента ассимилировались русским языком и могут выступать в качестве самостоятельных слов и составных частей других композитов, 3) композиты, в которых оба компонента не ассимилировались русским языком, 4) формально бинарные или многокомпонентные нетранслитерированные формы или вкрапления <...> не ассимилированные в русском языке вовсе или находящиеся в начале этого процесса [2, с. 5]. Рассмотрим некоторые из сложных слов, зафиксированных в [2], в указанном аспекте.

3.1. Композиты с первой частью *апарт-*, как правило, являются сложными именами существительными. В [2] приводится одна языковая единица: *апарт-отель* (от лат. *a parte* — ‘про себя, не для всех’) в значении ‘отель, площадь номеров в котором, как правило, больше, чем в обычных гостиницах, так как предполагается еще и пространство для кухни’ [2, с. 16]. Данное значение приводит к мысли о том, что в анализируемом существительном сегмент *апарт-*, по-видимому, можно трактовать как часть слова *апартаменты* — от *франц.* ‘палаты, покои, половина’, в знач. отдельных

покоев [3], ‘большое парадное жилое помещение’ [11], и это значение ассоциативно связано с указанным «не для всех», восходящем к первоначальному значению французского слова *апарте*, функционировавшему в театральной сфере как «сценические монологи или реплики, произносимые „в сторону“, для публики, и, по замыслу автора, „неслышные“ партнерам на сцене» [11]. Авторы [2] относят иностранное сложное слово *апарт-отель* к первой группе композитов, в которых в русском языке ассимилировался только один компонент — *отель* — в качестве самостоятельного слова (*роскошный отель, построили отель*), он также может употребляться и в составе композита (*бутик-отель*). Сегодня часть *апарт-* расширила границы употребления, словарный состав русского языка пополнился новыми единицами с этим компонентом, как правило, в сочетании с иноязычным словом, функционируя в газетных текстах, ср.: *апарт-комплекс, апарт-проект, апарт-офис, апарт-резиденция, апарт-квартал, апарт-номера* и др. Ср.: *В элитном сегменте, как и в Анапе, единственный проект — и тоже комплекс апарт-отелей — «Сады морей» (девелопер — ООО «Инвестгрупп-апарт»)* (Курортное новоселье // Ведомости, 2012.09). (Здесь и далее все приведенные в статье иллюстративные контексты взяты из НКРЯ). Перечень единиц с компонентом *апарт-* отражает их дефисное орфографическое оформление, что, на наш взгляд, свидетельствует о статусе «свободный корень» (ср. мнение Е. В. Петрухиной: «Слитное написание характерно для связанных элементов, дефисное — для свободных корней, способных и к самостоятельному употреблению» [12]). Последний признак реализуется в следующих примерах, отраженных в газетном корпусе НКРЯ, где элемент *апарт-* сегодня уже встречается как самостоятельное слово (ср.: *По сравнению с гостиницами апарты будут предлагать более выгодные форматы размещения* (Елена Исаева. Синергия форматов // Коммерсант, 2020.02)), а также в составе наименований организаций, причем часть *апарт-* может находиться и в препозиции, и в постпозиции к родовому слову (ср.: *Покупателем выступило ООО «Апарт групп»* (Гостиница в доме-книжке на Новом Арбате откроется к ЧМ-2018 // Известия, 2017.12); *По данным «Фонтанки», Артеев, прилетевший из-за границы во вторник, был задержан в среду утром в комплексе «Авеню апарт»* (Суд арестовал основателя ГК «Единые решения» на два месяца // Ведомости, 2017.10)). Отмечен пример использования компонента *апарт-* как самостоятельной единицы в составе с иноязычным существительным, где показательное раздельное написание композита, ср.: *<...> в районе метро «Речной вокзал», «Водный стадион» и «Войковская» возводятся сразу несколько апартментных комплексов (Водный, Флотилия, Петровский апарт хаус)* (Валерия Семенова. Всем выйти из сумрака // lenta.ru, 2014.12). В приведенных примерах реализуется следующее значение компонента *апарт-*: «значительное по территории отдельное место» (как в составе композита, так и в самостоятельном употреблении).

Другое значение компонента *апарт-/апарте* (‘сценические монологи или реплики, произносимые в сторону публики’), сегодня менее распространенное, реализуется как в составе композита (ср.: *Самые уязвимые моменты — апарт-обращения артистов к публике, призванные разомкнуть сценическое действие в жизнь* (Второе пришествие солдата Швейка // Известия, 2018.03)), так и в составе самостоятельной языковой единицы-наречия (ср.: *Он громко апарт, обращаясь скорее к немногочисленным зрителям, чем ко мне, произнес (при том рот его был плотно закрыт)* (Юрий Рост. Попытка смерти в «Метрополе» (Пролог и сцены) // Новая газета, 2018.09); *Такой, что Юрий Петрович бросил апарт: «Не заплакать бы»* (Григорий Заславский, Леонид Попов. Юбилей-шоу // Независимая газета, 1997.10); *В старом театре это называлось апартом* (Григорий Заславский. Великая дружба // Независимая газета, 1997.05)). Достаточно часто анализируемая единица представлена

в собственных наименованиях театральных организаций, ср.: *Очень надеюсь, что скоро начну репетировать Раневскую в «Вишневом саде» в театре «Апарте» в постановке Андрея Любимова (Подкладов Павел. Путевку в искусство мне выдала Баба яга) // Труд-7, 2007.01).*

Таким образом, сегодня в русском языке компонент *апарт-* в составе композитов отражает тенденцию к осмыслению его как самостоятельной единицы производного характера со свободным корнем, которая может существовать вне композита. Анализ использования компонента *апарт-* в современной русской речи (как в составе композитов, так и в самостоятельном употреблении) позволяет сделать вывод, что, в сравнении со словарной фиксацией в [2], композиты с компонентом *апарт-* перешли из первой группы во вторую, т. е. оба компонента композита ассимилировались русским языком и могут выступать в качестве самостоятельных слов и составных частей других композитов.

3.1. Компонент *промо-* в составе композитов (являющийся продуктом сокращения — «англ. *promotion* продвижение, поощрение — система мероприятий, направленная на продвижение и распространение товаров и услуг на рынке» [6, с. 535]) характеризуется в современном русском языке иными признаками, нежели компонент *апарт-*. В [2] представлены четыре слова с первым компонентом *промо-* в составе иноязычных слов: *промоакция, промо-код, промо-ролик, промо-сайт*. Три слова из четырех написаны через дефис. Показательно, что примеры из газетного блока НКРЯ не фиксируют ни одного примера с дефисным написанием композита *промо-код*, но отражают более 120 контекстов со слитным его написанием, ср.: *Для этого при оформлении заказа необходимо ввести промокод* (Российские ретейлеры одежды начали «Черную пятницу» // *lenta.ru*, 2015.11) Аналогичная ситуация с композитом *промо-ролик*: при отсутствии примеров с дефисным написанием — 289 контекстов со слитным написанием, ср.: *Я в Telegram написал небольшое сообщение своим друзьям, близким и сделал короткий проморолик, разослал* (Воробьев рассказал о помощи бизнеса в борьбе с коронавирусом на YouTube-канале // *Lenta.ru*, 2020.04). Такое же отражение в базе НКРЯ получает композит *промо-сайт*: нет ни одного примера с дефисным написанием и всего 13 примеров со слитным написанием данного композита, ср.: *Центризбирком РФ также запустит промосайт, посвященный подготовке к выборам в Госдуму* (Официальный сайт ЦИК станет удобнее для пользователей // *Известия*, 2016.08). Композит *промоакция* зафиксирован в газетной базе данных НКРЯ в количестве свыше 530 примеров только в виде слитного написания, аналогично тому, что представляет [2], ср.: *Поэтому агентство начинает готовить совместные с федеральными туроператорами промоакции* (Чартеры для россиян в Иркутскую область запустят с 2021 года // *Известия*, 2020.07).

Таким образом, компонент *промо-* в самостоятельном виде (в отрыве от последующего второго компонента композита) в газетном подкорпусе НКРЯ не получил отражения, на основании чего можно сделать предварительный вывод (окончательный вывод может дать лишь более значительная по численности выборка примеров и их глубокий анализ), что *промо-* в современном русском языке может рассматриваться как связанный элемент аффиксоидного (радиксоидного) типа в сложных словах, вторая часть которых представляет, как правило, иноязычное слово. Композиты с сегментом *промо-* по классификации в [2] будут относиться к первой группе: в русском языке ассимилировался только один компонент композита (второй).

3.3. Компонент *агро-* в [2] как первый элемент сложного слова представлен в двух словах, причем каждое в виде слитного написания, ср.: *агробизнес, агрокультура*. Отметим, что [2] фиксирует композит *агрокультура* именно с частью *агро-*, а не *агри-* (*агрикультура*), что еще полстолетия назад считалось нормативным, ср.:

агрикультура — [латин. *agricultura*] (книжн.) ‘земледелие, сельское хозяйство’ [17]. В [11; 15] данное сложное слово уже зафиксировано как «устарелое название агрокультуры», а часть *агро-* толкуется как «первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову „агрономический“» [15, с. 16]. Части *агри-* и *агро-* находятся между собой не в тождественных, а в эквиполентных отношениях; в словарях они нередко отмечены как синонимы. Вместе с тем газетная база НКРЯ представляет 19 примеров с заимствованным словом *агрикультура*, отмеченным в периодических изданиях с 1997 по 2020 гг. (ср.: <...> *человечество начало использовать удобрения и другие новшества агрикультуры только тогда...* (Ученые раскрыли секреты фермерства первых цивилизаций Земли // РИА Новости, 2017.06)). Композит *агрокультура* зафиксирован в 105 примерах, ср.: *По словам сенатора Сергея Митина, в России вносятся меньшие удобрения, чем того требуют технологи производства агрокультур* (В Совете Федерации рассказали о росте цен на минеральные удобрения // Парламентская газета, 2021.10).

Таким образом, компонент *агро-* в составе композитов представляет собой формант радикасного типа, дающий в составе с иноязычными словами и словами русского языка значительное количество производных слов, образованных по моделям русского словообразования. Он является связанным, не употребляется самостоятельно — в отрыве от последующего второго компонента сложного слова — и относится к первой группе композитов (по классификации в [2]), поскольку в русском языке ассимилировался только один из компонентов композита (второй).

4. Выводы и заключение. Сложные слова с первым компонентом — иноязычным словом (частью слова) *апарт-*, *промо-* и *агро-*, которые отражены в [2], были описаны с точки зрения ряда лингвистических признаков (орфографических, лексических, семантических, словообразовательных) и проанализированы в аспекте степени ассимиляции в современном русском языке и функционирования этих слов (или их сегментов) в русской речи. Обнаружено, что проанализированные сложные слова, которые отражены в [2], не получили фиксации в других лексикографических источниках, отражающих иностранные слова ([16; 18]). В [1] представлены лишь языковые единицы *апартаменты*, *агро* и *промоушен*, а производные от них не отмечены. В [8] отмечены слова *апартаменты* (без части *апарт-*), *агрокультура* (а также часть *агро-* и слово *агрикультура*) [8, с. 39], *промоушин / промоушен* (без части *промо-*) [8, с. 631]. Отмечено, что компонент *апарт-* употребляется как в составе сложных слов, так и самостоятельно, квалифицируется как элемент аффиксного (радикального) типа, свободный корень. Компоненты *промо-* и *агро-* являются связанными, употребляются только в составе со второй частью композитов. Компонент *промо-* в [2] отмечен в дефисном написании, а в газетном письменном тексте в базе НКРЯ в подавляющем большинстве случаев представлено слитное написание композитов с частью *промо-*. Анализ употребления проанализированных композитов в письменных текстах газетного корпуса в НКРЯ в сравнении с отнесением их к определенной группе по степени ассимиляции компонентов сложных слов в [2] свидетельствует о том, что есть отличия, вызванные динамическими процессами в русском языке, активностью использования композитов в русской речи, в особенности в последнее десятилетие. Вместе с тем, несомненно, требуется дальнейшее изучение языкового материала в указанном аспекте на большем массиве композитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой словарь иностранных слов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gufo.me/dict/foreign_words. Дата обращения: 12.03.2023.

2. Габдреева Н. В. Словарь композитов русского языка новейшего периода / Н. В. Габдреева, М. Т. Гурчиани. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 280 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/203710>. Дата обращения: 12.03.2023.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
5. Земская Е. А. Членимость слов со связанными корнями // Словообразование // Современный русский язык. Изд. 2. — М., 2005.
6. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014. — 800 с.
7. Клобуков Е. В., Гудилова С. В. Языковая специфика непроемких сложных слов (квазикомпозитов) / Е. В. Клобуков, С. В. Гудилова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 20. — С. 12–25.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 944 с.
9. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. / Ин-т языкознания РАН. — М.: Знак, 2012. — 208 с.
10. Национальный корпус русского языка / Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>. Дата обращения: 10.03.2023.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://onlinedic.net/ozhegov/page/word587.php>. Дата обращения: 12.03.2023.
12. Петрухина Е. В. Новые явления в русском словообразовании. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://portal-slovo.ru/philology/45939.php>. Дата обращения: 05.03.2023.
13. Равилова Л. Ф. Современные тенденции русского словообразования. / Цифровая наука №9–1. — 2021. — С. 30–40.
14. Рацибурская Л. В. Уникальные части слова: проблема их выделения и морфемного статуса. / Дисс. ... докт. филол. наук. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/v/37626/d/?#?page=1>. Дата обращения: 01.03.2023.
15. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989. — 624 с.
16. Словарь иностранных слов онлайн. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://slovonline.ru/slovar_inostran/. Дата обращения: 01.03.2023.
17. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/01/us101407.htm?cmd=0&istext=1>. Дата обращения 01.03.2023.
18. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1500 слов / Е. Н. Шагалова. — М.: АСТ : Астрель, 2011. — 413 с.

Поступила в редакцию 25.04.2023 г.

A. N. Bondarenko

LINGUISTIC FEATURES OF COMPOSITE WORDS IN RUSSIAN: LEXICOGRAPHIC FIXATION

In the article devoted to the actual problems of borrowed compound words in the aspect of their word formation, composites with foreign-language components are considered. The goal is to determine the status of the components and the degree of their assimilation in the Russian language. Russian description is based on the material of the "Dictionary of Composites of the Russian language of the newest period" and the base of the National Corpus of the Russian language. The conclusion is made about the differences in the derivational potential of the parts of composites due to dynamic processes in the Russian language.

Key words: *composite, "Dictionary of composites of the Russian language of the newest period", degree of assimilation.*

Бондаренко Анастасия Николаевна.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь. Приднестровская Молдавская Республика.

Студент.

E-mail: nessluuu@gmail.com

Bondarenko Anastasija Nikolaevna.

Shevchenko Pridnestrovie State University, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Student.

E-mail: nessluuu@gmail.com

Полежаева Светлана Серафимовна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Polezhaeva Svetlana Serafimovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Pridnestrovian Moldavian Republic.
Доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации.
E-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

Professor.
Shevchenko Pridnestrovie State University, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic.
Associate Professor of the Russian Language and Intercultural Communication Department.
E-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

УДК 811.512

А. А. Монгуш

*Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
(Научн. рук. — д-р филол. наук., проф. С. М. Трофимова)*

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОМ И ТУВИНСКОМ ПАДЕЖАХ

В статье описываются структурные и функциональные особенности падежной системы русского и тувинского языков в сопоставительном аспекте. Кроме того, рассматриваются способы их выражения. Для русского языка характерны предложно-падежные, а для тувинского языка — падежно-последеложные способы выражения

Ключевые слова: русский язык, тувинский язык, падежная система, русские предлоги, тувинские послелогов,

Падеж — одна из хорошо изученных грамматических категорий в современном языкознании, начиная с исторических концепций падежа античности до настоящего времени. Падеж для имени — это форма, возникающая в предложении и определяемая синтаксическими отношениями данного слова к другим словам в предложении. Дитмар Эльяшевич Розенталь считал, что падежи представляют «грамматическую категорию имени существительного, выражающую отношение обозначаемого им предмета к другим предметам, действиям, признакам» [1, с. 59–71].

В «Толковом словаре» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указано, что «падеж — это словоизменяемая категория имени, выражаемая флексиями» [5, с. 752]. Д. Н. Ушаков отметил следующее определение: «падеж — это название форм грамматического имени, выражающих отношения между собой или имен к другим словам в речи» [5, с. 61]. И, наконец, Т. Ф. Ефремова в своем «Толковом словаре» обозначила, что под падежом следует понимать «словоизменяемую категорию имени, выражаемую флексиями (окончаниями)» [2, с. 582].

Помимо выше представленных дефиниций также следует отметить, что термин «падеж» является калькой с древнегреческого и латинского языков. В переводе с древнегреч. языка исследуемое понятие означает ‘падение’ («πτῶσις»), а в переводе с лат. — ‘падать’ («casus»).

В русском и тувинском языках значения, количество и способы образования падежных форм различаются. Падежная система в русском языке шестичленна, а в тувинском — семичленна. В тувинском языке имеются направительный, исходный и местный падежи, при этом отсутствуют творительный и предложный. Русский язык богат широкой системой предлогов, тувинский — системой послелогов, которые не всегда совпадают по своим функциям с русскими предлогами. Специфическая черта русского языка, в отличие от тувинского, проявляется в наличии нескольких типов склонений. Значительные расхождения между этими языками заключаются в характере управления и функциях данных падежей. Но есть и некоторые сходства в значениях падежей.

Падежная система в тувинском языке (как было упомянуто выше) представлена семью падежами: адаарының падежи (именительный падеж), хамаарыштырарының падежи (родительный или притяжательный падеж), бээриниң падежи (дательный падеж), онаарының падежи (винительный падеж), турарының (местный падеж), үнериниң падежи (исходный падеж) и углаарының падежи (направительный падеж).

Именительный падеж (адаарының падежи) в тюркологической литературе называется безаффиксальный, неопределенный, именительный падеж. Он, как и в русском языке, является исходной формой для образования других падежей, сам же не имеет особого аффикса, совпадая внешне с основой слова. Основными вопросами этого падежа являются «кым?» («кто?») и «чүү?» («что?»). В русском языке совпадение формы Вин. и Род. падежей определяют категорию одушевленности/неодушевленности имен существительных. В тувинском — нет категории одушевленности. Одушевленным считается только **человек**, а также совокупность живых существ: народ, молодежь, войско и т. д. Все представители животных отвечают на вопрос «что?».

Родительный падеж в тувинском падеже (хамаарыштырарының падежи) является притяжательным. Данный падеж отвечает на вопросы «кымның?» («чей?») Например: *күскениң кудуруу (мышиний хвост)*. В русском языке родительный падеж выполняет несколько функций: притяжательная (*рисунок ребенка*), разделительная (*немного воды*), отложительная (*уберечься от беды*).

Общее значение дательного падежа в тувинском языке соответствует русскому: объект, на который направлено действие. Направленность действия при этом принимает самые разнообразные варианты — от непосредственной до абстрактной формы ориентировки действия на объект. Данный падеж отвечает на вопросы кымга? «кому?», чүге? «чему?». Он образуется аффиксами -га/-ге, -ка/-ке. Например, *чаага* «на войну», *күскеге* «мышке», *хөлге* «озере», *оолга* «сыну», *айга* «луне»; *аътка* «коню», *эшке* «другу, к другу», *соокка* «морозу», *мыйыска* «рогу». Также дательный падеж в тувинском языке обозначает конечный пункт движения, отвечает на вопрос кайнаар? «куда?». Например: *Помогать маме по дому — авамга бажың ажылынга дузалажыры. Сегодня я иду к Сылдысу — Бөгун мен Сылдысче баар мен.*

Винительный падеж (онаарының падежи) в тувинском языке, как и в русском, является объектным падежом и всегда оформляет прямое дополнение. Основным способом выражения действия и его прямого объекта являются словосочетания типа «**перех. гл. + сущ. в Вин. п.**». Это говорит о полном соответствии логических способов выражения действия и его прямого объекта в обоих языках. В отличие от русского языка, винительный падеж в тувинском языке имеет две формы: оформленный (с аффиксами -ны/ни, ну/ нү, — ты/ти, ту/тү) и неоформленный (с нулевым аффиксом), например, *дагны* «гору», *сугну* «воду»; *аътты* «коня», *эътти* «мясо», *эшти* «друга», *балыкты* «рыбу». Категория определенности/неопределенности является главным фактором выбора одной из форм данного падежа. Н. Ф. Катанов (российский тюрколог, профессор) отмечал, что «винительный падеж оформленный, т.е. с полным окончанием, употребляется, вообще тогда, когда говорящий, желая обратить внимание слушающего, ставит на нем в речи логическое ударение» [7, с.783–785].

Способы выражения действия и его прямого объекта в тувинском языке характеризуются существенными особенностями по сравнению с русским языком.

Местный падеж (турарының падежи), помимо оформления обстоятельства места, указывает на местонахождение предмета, он оформляет также обстоятельство времени, означая время совершения действия. Падеж отвечает на вопрос кымда? «у кого?» «в ком?», чүде? «у чего?», «в чем?», кайда? «где?». Имеет два варианта аффиксов: -да/-дэ,

-та/те. Например: *хемде* «на реке», *тонда* «в шубе, на шубе»; *балыкта* «у рыбы, в рыбе», *халта* «в мешке», *тавакта* «в тарелке».

Местный падеж (в русском языке) устанавливает местонахождение во времени и пространстве объекта, выраженного именем существительным, отвечает на характеризующие вопросы «где?» «на чем?» «при чем?» и обязательно используется с предлогами «в», «на» и «при». Локатив во многом соответствует предложному падежу, поэтому как самостоятельный падеж не выделяется. От предложного падежа отличает наличие особой группы существительных, у которых формообразование в этих двух падежах происходит по-разному. К такой категории можно отнести такие слова как *лес*, *нос*, *снег* и т. д. В местном падеже данные существительные звучат как в дательном единственного числа, например: (где?) *в снегУ*.

Исходный падеж (үнериниң падежи) в тувинском языке выражает точку, из которой исходит действие, место отрыва предмета от чего-либо. Падеж отвечает на вопрос кымдан? «от кого?» «из кого?», чүден? «от чего», «из чего?», «откуда?». Образуется, как и предыдущий падеж, двумя фонетическими вариантами аффиксов: -дан/-ден, например *алдындан* «из золота», *ачамдан* «от папы»; -тан/-тен, например *эриктен* «от берега», *оруктан* «с дороги».

В русском языке исходный падеж (аблатив) слился с родительным падежом. Во многих языках этот падеж имеет значение удаления от чего-либо с помощью инструмента (орудия труда). Тувинский филолог Ш. Ч. Сат выделяет этот падеж как самостоятельный орудный [10, с. 90]. Это соответствует русскому творительному падежу. Изучению творительного падежа лингвисты уделяют очень много времени, так как он полифункциональный, многозначный и очень сложный. Название данного падежа полностью не соответствует действительности, возможно, потому что в большей степени своих употреблений не играет роли инструмента действий. А. А. Потемня выделил несколько значений: творительный падеж социативный, творительный места, творительный времени, творительный орудия, объединив его с творительным средства, творительный падеж, условленный страдательным сказуемым, который, по мнению лингвиста, близок к творительному орудия [9, с. 318].

Направительный падеж (углаарының падежи) указывает направленность действия объекта в сторону какого-либо предмета или объекта. Отвечает на вопросы кымче? «к кому?», чүже? «к чему?», кайнаар? «куда?». Образуется фонетическими вариантами аффиксов: -дыва/-дыве после гласных и звонких согласных, например *өгдыве кирер* «зайти в юрту», *хемдыве баар* «пойти к реке»; -тыва/-тыве после глухих согласных, например *сүттыве кудар* «налить в молоко», *чурттыва чанар* «ехать на родину». Если основа слова оканчивается на согласный звук, то применяется вариант -че, например *акымче* «к брату», *хөлче* «к озеру»; если основа оканчивается на гласный звук и на сонант й, употребляется вариант -же, например *өпөяже* «к ребенку», *селемеже* «на меч», *хемеже* «к лодке», *айже* «к луне», *анайже* «к ягненку».

Направительному падежу соответствуют дательный, винительный и предложный падежи в локальном значении. Например: *Вернуться домой к шести вечера* — *Дүнекиниң алды шак үезинде бажыңче чанып келир*; *Утром во сколько прилетишь в Элисту, Цагана?* — *Эртен даң бажында каш шакта Элистаже ужуп чедип келир сен, Цагана?* Исходя из этого, можно сделать вывод, что направительный падеж употребляется при выражении значений директива-финиша и направления движения.

Выводы:

1. В тувинском языке 7 падежей: адаарынының (именительный), хамаарыштырарының (родительный или притяжательный), бээриниң (дательный), онаарының (винительный), турарының (местный), үнериниң (исходный), углаарының

(направительный), и все эти падежи в малой или большей степени соответствуют русским падежам.

2. Русский язык богат системой предлогов, тувинский — системой послелогов.

3. Специфическая черта русского языка, в отличие от тувинского, проявляется в наличии нескольких типов склонений.

4. Способы выражения действия и его прямого объекта в тувинском языке характеризуются существенными особенностями по сравнению с русским языком.

5. Формально исходный падеж совпадает с творительным (орудным падежом).

6. Направительный падеж употребляется при выражении значений директива-финиша и направления движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркадьев П. М. Падежи в языках мира // Лингвистика для всех: сборник трудов конференции / ред.-сост.: Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева. — М.: Московский центр непрерывного математического образования, 2009. — С. 59–71.
2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник. Под редакцией Н. С. Валгиной. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Логос, 2002. — 528 с.
3. Грамматика современного литературного якутского языка. 1982. — 496 с.
4. Доржу М. Д. Бай-тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. Кызыл, 2002.
5. Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 752 с.
6. Зизаний Лаврентий. Наука ку читанно, и розумѣню писма слове(н)ского. — Вильно, 1596. — 61 с.
7. Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка. — Казань, 1903. — 780 с.
8. Монгуш Д. А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983. — С. 79–101.
9. Потенба А. А. Из записок по русской грамматике / Сост. В. Ю. Франчук. — М.: Просвещение, 1985. — Т. 19. — Вып. 1. — 319 с.
10. Саг Ш. Ч. Тыва диалектология. — Кызыл, 1987. — 289 с.
11. Серебrenников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1986. — 304 с.
12. Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. — Кызыл, 1974. — 136 с.
13. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. — Л., 1977. — 191 с.

Поступила в редакцию 10.05.2023 г.

A. A. Mongush

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL FEATURES OF THE CASE SYSTEM IN THE RUSSIAN AND TUVA CASES

The article describes the structural and functional features of the case system of the Russian and Tuvan languages in a comparative aspect. In addition, the ways of their expression are considered. The Russian language is characterized by prepositional-case, and for the Tuvan language - case-postpositional ways of expression.

Key words: Russian language, Tuvan language, case system, Russian prepositions, Tuvan postpositions.

Монгуш Анита Алексеевна.

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Республика Калмыкия.
Студент.
E-mail: anita.mongush.1999@mail.ru

Mongush Anita Alekseevna.

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Republic of Kalmykia.
Student.
E-mail: anita.mongush.1999@mail.ru

Трофимова Светлана Менкеновна.

Доктор филологических наук, профессор.
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Республика

Trofimova Svetlana Menkenovna.

Doctor of Philological Sciences, Professor.
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista Republic of Kalmykia.

Калмыкия.
Профессор кафедры русского языка и общего
языкознания, русской и зарубежной литературы.
E-mail: trofimova_sm@kalmsu.ru

Professor of the Russian Language and General
Linguistics, Russian and Foreign Literature
Department.
E-mail: trofimova_sm@kalmsu.ru

УДК 81'373.612

Д. И. Борозенец
Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — д-р филол. наук., проф. В. И. Теркулов)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ «ЛИЦО — ИСПОЛНИТЕЛЬ ДЕЙСТВИЯ» В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ КОГНИЦИИ

В статье предпринимается попытка комплексно охарактеризовать единицы, включенные в словообразовательную категорию как элемент семантического поля. Автор описывает как интегральные, так и дифференциальные значения всех дериватов категории «лицо — исполнитель действия». Особое внимание уделяется элементам значения, которые не обусловлены значением производящего и словообразовательных формантов, а также словообразовательным отношениям полисемантов.

Ключевые слова: словообразовательная категория, семантическое поле, когнициция, полисемия.

Семантическое поле представляет собой совокупность языковых единиц, объединенных на основании семантической близости и словообразовательной связи. Эти критерии в равной мере важны при формировании модели поля, поскольку позволяют избежать лакун. Отметим также, что чаще всего данные критерии объединяют одни и те же лексемы. Семантическое поле включает синонимические ряды и антонимические пары, которые, в свою очередь, входят в определенные словообразовательные комплексы: парадигмы, цепочки, гнезда, ряды, категории.

Данная статья посвящена описанию словообразовательной категории «лицо — исполнитель действия» семантического поля когнициции.

Поскольку «словообразовательная система русского языка носит антропоцентрический характер, что означает стремление человека называть в первую очередь себя, а лишь затем иные реалии» [5, с. 143], словообразовательная категория «лицо — производитель действия» широко представлена в анализируемом семантическом поле. В неё входит 52 лексемы, ряд которых представляют в том числе полисеманты.

Данная словообразовательная категория универсальна, широко представлена в русском языке и «представляет собой одну из весьма интересных и сложно устроенных комплексных единиц системы русского словообразования» [5, с. 143]. Словообразовательное значение «лицо — производитель действия» реализуется с помощью наибольшего количества словообразовательных средств. Так, согласно «Русской грамматике», значение лица, исполняющего действие, названное мотивирующим словом, существительное приобретает с помощью суффиксов *-тель-* (*-итель-*), *-ник-* (*-еник-*, *-ик-*), *-щик-* (*-чик-*), *-льник-*, *-льщик-*, *-ец-*, *-лец-*, *-ак-*, *-ач-*, *-ун-*, *-ок-*, *-арь-*, *-аль-*, *-атор-*, *-ор-*, *-ант-* (*-ент-*), *-ат-*, *-лк-*, *-ловк-*, *-л-*, *-к-*, *-(я)г-*, *-ух-*, *-х-*, *-ш-* (*-уш-*), *-ул-*, *-еј-*, *-(и)ш-* [3], присоединяемых к глагольной основе. Также значение действующего лица приобретают существительные с нулевым суффиксом. Кроме того, все суффиксы могут комбинироваться со сложением основ. В рамках моделируемого поля мы обнаруживаем следующие словообразовательные модели: ПО¹ + *-тель-* (17

¹Производящая основа.

производных); Y² + -о- + ПО + Ø (7 производных); ПО + -чик- (4 производных); Y + -о- + ПО + -ец- (3 производных); Y + -е- (-о-) + ПО + -к- (3 производных); ПО + -к- (3 производных); ПО + -щик- (2 производных); ПО + -лк- (2 производных); ПО + -л- (2 производных); ПО + -еник- (2 производных); ПО + -ун- (1 производное); ПО + -ник- (1 производное); ПО + -льщик- (1 производное); ПО + -ок- (1 производное); Y + ПО + -к- (1 производное); со- + ПО + -еник- (1 производное); ПО + -атор- (1 производное).

При этом в ряде случаев реализованная, актуальная семантика оказывается шире, чем это предполагается словообразовательным значением. В первую очередь это связано со словообразовательным потенциалом производящих, однако до конца им не объясняется. На наш взгляд, при анализе подобных явлений следует учитывать взаимосвязь не между словами, а между их лексико-семантическими вариантами там, где это возможно.

Рассмотрим это на конкретных примерах.

Глагол *ведать* имеет два лексико-семантических варианта: *ведать*¹ ‘знать, иметь сведения’ и *ведать*² ‘управлять, распоряжаться чем-либо’. Производные *ведун* ‘знахарь, колдун’ и *тайноведец* ‘тот, кому доверены тайны, кто участвует в ведении секретных дел’ относятся к первому лексико-семантическому варианту, причём у слова *ведун* значение шире, чем предполагает сочетание основы и словообразовательного суффикса, и сформировалось в результате внутреннего развития значения: ‘тот, кто знает что-то’ > ‘тот, кто обладает специфическим (магическим) знанием’ > ‘знахарь, колдун’. Семантика слова *тайноведец* целиком исчерпывается суммой значений его словообразовательных компонентов. Значение лексико-семантического варианта *ведать*² не порождает дериватов со значением лица.

Слово *воспринять* также имеет два лексико-семантических варианта: *воспринять*¹ ‘распознать, ощутить органами чувств’ и *воспринять*² ‘понять, оценить каким-либо образом; постичь, усвоить’. Ни в одном из них не отмечается буквальное значение физического действия, в то время как именно оно, хотя и несколько метафоризированное, легло в основу базового значения производного *восприемник*¹ ‘у верующих: лицо, принимающее на руки ребенка из купели при обряде крещения, крестный отец’. Лексико-семантический вариант *восприемник*² ‘человек, воспринимающий, развивающий чьи-либо идеи, убеждения и т. п.’ фиксируют не все словари, что свидетельствует о его меньшей распространенности. Лексико-семантический вариант *восприемник*² получен в результате словообразования от *воспринять*², однако его семантика шире, чем предполагает словообразовательная модель. *Воспринять*¹ не получает развития в данной категории.

Глагол *выдумать* также представлен в двух лексико-семантических вариантах: *выдумать*¹ ‘придумать, догадаться сделать что-либо, изобрести’ и *выдумать*² ‘создать воображением, измыслить то, чего (кого) нет (не было)’. Производное *выдумщик* ‘человек изобретательный, ловкий на выдумки’, на наш взгляд, имеет синкретичную семантику: выдумщиком называют как изобретателя (*Винодел и выдумщик Горохов придумывал небывалые машины для уборки винограда и яблок в саду*), так и того, кто выдумывает что-либо нематериальное (*Художнику Виктору ЧИЖИКОВУ — 65 лет! Он большой фантазер и выдумщик*). То же самое можно сказать и о словообразовательной паре *придумать* (*придумать*¹ ‘догадаться, найти какое-либо решение, выход из создавшегося положения’; *придумать*² ‘изобретать, создавать; сочинять’, *придумать*³ ‘выдумывать то, чего не было, нет’) — *придумщик* ‘тот, кто придумывает (во втором значении), сочиняет’. Несмотря на то, что толковые словари связывают значение девербатива *придумщик* исключительно с лексико-семантическим

²Обозначение второго корня в композитах.

вариантом *придумать*², мы считаем, что его значение синкретично и учитывает как тех, кто придумывает-изобретает (*Ещё одним буреизвестником над парижскими баррикадами гордо реял Ги Дебор, философ-сюрреалист, придумщик Ситуационистского интернационала*), так и тех, кто придумывает-выдумывает (*Миша — придумщик этих уроков пословиц, подоспел, когда мы пытались соединить эту пословицу с золотником паровой машины*).

То же самое можно сказать о слове *толкователь* ‘тот, кто занимается толкованием, объяснением чего-нибудь’, которое вобрало в себя семантику двух лексико-семантических вариантов производящего: *толковать*¹ ‘определять смысл, значение чего-либо, понимать и объяснять что-либо каким-либо образом; истолковывать; давать свое освещение, свою трактовку сценическому, музыкальному и т. п. произведению; исполнять в своей манере’ и *толковать*² ‘объяснять кому-либо что-либо, помогая усвоить, понять; растолковывать’. Лексико-семантический вариант *толковать*³ ‘говорить, рассуждать, беседовать о ком-, чем-либо с кем-либо’ имеет не связанное с семантическим полем когнитивное значение и не образует дериваты.

Слово *выучить* (*выучить*¹ ‘уча, запомнить, усвоить’ и *выучить*² ‘обучить, научить’) производит один дериват со значением лица — слово *выученик* ‘тот, кто прошёл выучку, школу у кого-то’, которое также является синкретичным: с одной стороны, оно называет субъекта действия по глаголу *выучить*, с другой же *выученик* — это тот, кого выучили. Подобным образом происходит деривация в паре *недоучить* (*недоучить*¹ ‘обучить не полностью, скудно’, *недоучить*² ‘нетвердо выучить что-нибудь’) — *недоучка* ‘недоучившийся, малосведущий человек’. Значение существительного синкретично, так как, с одной стороны, характеризует активного субъекта обучения, а с другой — пассивного, того, кого недоучили.

Глагол *гадать*, относящийся к исследуемому нами полю через один из своих лексико-семантических вариантов — *гадать*² ‘строить предположения, догадки’, — имеет три производных со значением лица: *гадалка* ‘женщина, занимающаяся гаданием’, *гадальщик* ‘тот, кто гадает, занимается гаданием’ и *гадатель* ‘то же, что гадальщик’. Поскольку все они образованы от лексико-семантического варианта *гадать*¹ ‘предсказывать, стремиться узнать будущее, рассказывать о прошлом по картам, по руке или каким-либо другим способом’, данные существительные относятся к периферии исследуемого нами семантического поля.

Слово *дознатель* ‘тот, кто ведёт дознание’, образованное от глагола *дознаться* ‘выяснять, выведывать что-либо, допытываться’, имеет более широкое значение, чем это предполагает словообразовательная модель. Так, дознавателем является не любой человек, который выясняет определенную информацию, но тот, кто занимается этим в силу своей профессии. Такое узкоспециализированное значение данного слова обусловлено в том числе сужением значения слова *дознание*.

Слова *вольнодум* ‘тот, кто отличается вольнодумством’, *скородум* ‘быстро соображающий, находчивый человек’, *стародум* ‘тот, кто думает по-старому’, *тугодум* ‘медленно соображающий человек’, *туподум* ‘медленно соображающий человек’, *тяжелодум* ‘то же, что тугодум’, *тяжкодум* ‘то же, что тугодум’, образованные сложением основ, а также слово *вольнодумец* ‘тот, кто отличается вольнодумством’, образованное сложением основ и суффиксацией, реализовали значение на базе лексико-семантического варианта *думать*² ‘полагать, считать, предполагать; подозревать, считать виновным в чем-либо; иметь мнение, соображение по какому-либо поводу’, в то время как другие лексико-семантические варианты глагола *думать* (*думать*¹ ‘размышлять, предаваться раздумью; мысленно сосредоточиваться на чем-либо, обдумывать что-либо’, *думать*³ ‘намереваться, собираться’, *думать*⁴ ‘заботиться, беспокоиться’, *думать*⁵ ‘надеяться, рассчитывать на что-либо’) не получили

производных. Это обусловлено присущим варианту *думать*³ значением перманентности, отличным от семантики ситуативности, которая свойственна остальным четырем вариантам.

Толкование слова *загадчик*, производного от глагола *загадать*, отсутствует в словарях, что объясняется, видимо, неактивным употреблением данной лексемы либо же возможностью трактовки по аналогии: *загадчик* ‘тот, кто загадает’, однако такая трактовка проблематична, поскольку глагол *загадать* представлен лексико-семантическими вариантами *загадать*¹ ‘предложить загадку или вопрос, требующий разгадки’, *загадать*² ‘задумав что-либо, постараться найти ответ, решение посредством обращения к картам и т. п.; мысленно остановиться на чем-либо, выбрать что-либо’, *загадать*³ ‘предположить что-либо, сделать, задумать’, однако не каждый из них предполагает реализатора (например, значение лица, на наш взгляд, не образовывается от лексико-семантического варианта *загадать*³).

Существительное *распознаватель*, не имеющее толкования в словарях, происходит от слова *распознавать* (*распознавать*¹ ‘определять, узнавать по каким-либо признакам’, *распознавать*² ‘разгадывать, понимать, наблюдая, изучая; разузнавать, разведывать’). Можно предположить, что его семантика синкретична и подразумевает как опознавание по признаку, так и понимание на основании определенных сведений.

Слово *изъяснитель* также не имеет толкования в словарях, однако определение его значения по аналогии не вызывает особых затруднений, поскольку производящий глагол однозначен: *изъяснить* ‘выразить, высказать, изложить’, таким образом, значение слова *изъяснитель* — ‘тот, кто выражает, высказывает, излагает’ — является суммой значений входящих в него компонентов. Аналогичная ситуация наблюдается в словообразовательных парах *истолковать* ‘разъяснить, дать толкование’ — *истолкователь* ‘тот, кто истолковывает что-нибудь’, *умствовать* ‘размышлять, пускаясь в слишком отвлеченные или ненужные рассуждения’ — *умствователь* ‘тот, кто размышляет, пускаясь в слишком отвлеченные или ненужные рассуждения’, *разъяснить* ‘сделать ясным, понятным, объяснив что-либо’ — *разъяснитель* ‘тот, кто делает ясным, понятным, объяснив что-либо’, *образовать* ‘дать образование; усовершенствовать, развить, выработать’ — *образователь* ‘тот, кто обучает, просвещает кого-либо’, *пояснить* ‘сделать более ясным, понятным; объяснить, растолковать’ — *пояснитель* ‘тот, кто делает более ясным, понятным; объясняет, растолковывает’.

Слово *знать* представлено в шести лексико-семантических вариантах: *знать*¹ ‘иметь сведения о ком-, чем-либо’, *знать*² ‘обладать знаниями о ком-, чем-либо, иметь какие-либо познания; помнить что-либо, выученное наизусть; уметь что-либо делать, обладать какими-либо навыками; узнавать, отличать от других’, *знать*³ ‘уметь отличать, узнавать по наружности’, *знать*⁴ ‘понимать, осознав, предполагать, догадываться’, *знать*⁵ ‘испытывать, переживать’, *знать*⁶ ‘считаться с чем-либо, признавать’. Дериваты *знайка* ‘знающий, осведомленный человек’, *всезнайка* ‘человек, который считает себя знающим все’, *многознайка* ‘то же, что всезнайка’, *рудознавец* ‘разведчик полезных ископаемых на Руси, знаток руд, рудного дела’ образованы от *знать*², т.е. их семантика синкретична, а на объект знания указывает первая часть композита. Похожим образом обстоит дело и со словом *немогузнайка* ‘несведущий, уклоняющийся от прямого ответа, бестолковый человек’, с той лишь разницей, что в нем отсутствует значение объекта знания. Еще одним производным является слово *знаток* ‘тот, кто обладает большими знаниями в чем-нибудь, тонким пониманием чего-нибудь’, которое включает в себя значение вариантов *знать*¹ и *знать*³.

Слова *зубрила* и *зубрилка* имеют одинаковое значение: ‘тот, кто занимается зубрежкой, бессмысленным заучиванием’ — и образованы от однозначного слова *зубрить* ‘заучивать наизусть путем многократного повторения’. Оба слова несут семантику, полученную от соединения производящей основы со словообразующими суффиксами, и не выходят за ее рамки.

Глагол *исследовать* имеет два лексико-семантических варианта: *исследовать*¹ ‘подвергнуть — подвергать научному расследованию’ и *исследовать*² ‘тщательно осмотреть — осматривать для выяснения, установления чего-либо’, значение первого из них является специальным и перманентным, а семантика второго предполагает ситуативность. Дериват имеется только у варианта *исследовать*¹ — *исследователь* ‘тот, кто занимается научными исследованиями’, что объясняется необходимостью называть человека, стабильно, а не единоразово осуществляющего определенную деятельность.

То же касается и словообразовательной пары *опознавать* (*опознавать*¹ ‘узнавать по каким-либо признакам, приметам’, *опознавать*² ‘устанавливать тождество личности или предмета на предварительном или судебном следствии’) — *опознаватель*. Имеющий два лексико-семантических варианта глагол образует существительное со значением лица лишь от одного из них (*опознавать*²), что не фиксируется словарем. Аналогичным образом характеризуются также словообразовательные пары *просветить* (*просветить*¹ ‘распространить среди кого-либо знания, культуру’; *просветить*² ‘сообщить о чем-либо, ввести в курс дела’) — *просветитель* ‘прогрессивный общественный деятель, распространитель передовых идей и знаний’ и *угадывать* (*угадывать*¹ ‘догадавшись, давать правильный ответ, высказывать правильное мнение, решение и т. п.; правильно определять, распознавать что-либо по каким-либо признакам, приметам, деталям и т. п.; правильно определять чью-либо профессию, принадлежность к определенным кругам общества и т. п.; разгадывать чью-либо истинную сущность, характер и т. п.; распознавать; предугадывать, предсказывать’, *угадывать*² ‘узнавать, признавать, опознавать кого-либо’, *угадывать*³ ‘попадать куда-либо, оказываться где-либо’) — *угадыватель*.

Похожая ситуация наблюдается и в случае деривации слова *мыслитель* ‘человек, обладающий даром глубокого оригинального мышления’, происходящего от *мыслить*² ‘думать, размышлять о ком-, чем-либо; рассчитывать, предполагать, считать’. Лексико-семантический вариант *мыслить*¹ ‘рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы’ характеризуется ситуативностью, в отличие от более постоянного *мыслить*², в связи с чем и не нуждается в наличии деривата, обозначающего субъект действия.

Слово *экзаменатор* ‘преподаватель, производящий экзамен’ произошло от слова *экзаменовать*, представленного в двух лексико-семантических вариантах: *экзаменовать*¹ ‘подвергать экзамену’ и *экзаменовать*² ‘выяснять, проверять что-либо’.

Слово *мудрила* ‘о том, кто мудрит (во втором значении) много или там, где не нужно’, согласно толковым словарям, имеет исключительно один лексико-семантический вариант, однако, на наш взгляд, можно обнаружить два, произошедших от разных лексико-семантических вариантов производящего: *мудрить*² ‘делать что-либо излишне сложно, пренебрегая простыми и ясными путями’ и *мудрить*³ ‘прибегать к хитростям, уловкам для достижения чего-либо; заставлять исполнять свои капризы, прихоти; издеваться’. Глагол *мудрить*¹ ‘обдумывать решение каких-либо сложных проблем, заданий; искать способ выполнения какой-либо трудной работы’ в данном случае не предполагает наличие словообразовательных связей, хотя его значение и является базовым для остальных.

Слово *преподаватель* ‘работник средней или высшей школы, преподающий какой-нибудь предмет’ также несет синкретичную семантику, основанную на всех

лексико-семантических вариантах глагола *преподавать* (*преподавать*¹ ‘наставляя, советуя, сообщать, излагать’, *преподавать*² ‘обучая кого-либо чему-либо, сообщать, передавать сведения из какой-либо области знания’, *преподавать*³ ‘заниматься педагогической деятельностью’).

Слово *разведка* имеет четыре лексико-семантических варианта, однако значение лица присуще только двум: *разведка*³ ‘войсковая команда, подразделение, осуществляющее действия для получения сведений о противнике и занимаемой им местности’, *разведка*⁴ ‘организация, ведающая специальным изучением экономической и политической жизни других стран, их военного потенциала и т. п.’. Значения этих вариантов были развиты на базе значений двух других лексико-семантических вариантов: *разведка*¹ ‘обследование чего-нибудь со специальной целью’, *разведка*² ‘действия, осуществляемые войсковыми группами, подразделениями, дозорами и т. п. для получения сведений о противнике и занимаемой им местности’. Слово *разведчик* имеет три лексико-семантических варианта, два из которых означают человека и появились на базе значения производящего *разведать*¹ ‘расспрашивая, выяснить, разузнать’ > *разведчик*¹ ‘военнослужащий или работник разведки’; *разведчик*² ‘специалист по разведке недр, полезных ископаемых’, а третье (*разведчик*³ ‘самолет или корабль, ведущий разведку’) появилось в результате их метафоризации (человек, выполняющий разведку чего-либо > человек на средстве передвижения, выполняющий разведку чего-либо > средство передвижения, на котором выполняют разведку чего-либо). Оба слова во всех своих лексико-семантических вариантах имеют значение, выходящее за рамки значения производящего. В свою очередь сами производящее имеет два лексико-семантических варианта, один из которых — *разведать*² ‘произвести разведку’ — не реализуется ни в одном из производных.

Пара *угадать* — *угадчик* ‘тот, кто угадывает, умеет догадаться’ характеризуется тем, что deverбатив отражает значение лишь одного лексико-семантического варианта — *угадать*¹ ‘догадавшись, дать правильный ответ, высказать правильное мнение, решение и т. п.; правильно определить, распознать что-либо по каким-либо признакам, приметам, деталям и т. п.; правильно определить чью-либо профессию, принадлежность к определённым кругам общества и т. п.; разгадать чью-либо истинную сущность, характер и т. п.; распознать; предугадать, предсказать’. Варианты *угадать*² ‘узнать, признать, опознать кого-либо’ и *угадать*³ ‘попасть куда-либо, оказаться где-либо’ не имеют производных.

Глагол *учить*, представленных восемью лексико-семантическими вариантами (*учить*¹ ‘преподавать кому-либо какие-либо знания, навыки, воспитывать какие-либо качества’, *учить*² ‘давать образование, обеспечивать кому-либо возможность учиться’, *учить*³ ‘преподносить уроки, обогащать опытом, пониманием окружающего’, *учить*⁴ ‘дрессировать (животных)’, *учить*⁵ ‘наказывать’, *учить*⁶ ‘давать советы, указания’, *учить*⁷ ‘обосновывать, развивать (какую-либо мысль, теорию)’, *учить*⁸ ‘повторяя, запоминать, усваивать’), имеет следующие производные: *самоучка* ‘тот, кто выучился чему-либо самостоятельно, без систематического обучения, без руководителя’, *учитель* (*учитель*¹ ‘лицо, которое обучает чему-нибудь, преподаватель’ и *учитель*² ‘глава учения, тот, кто учит (научил) чему-нибудь’). Слово *самоучка* развивает семантику на базе лексико-семантического варианта *учить*⁸, *учитель*¹ является синкретичным и вобрало в себя семантику вариантов *учить*¹, *учить*², *учить*³, наконец, слово *учитель*² является производным от лексико-семантического варианта *учить*⁷.

Наконец, у глагола *учиться* (*учиться*¹ ‘усваивать, приобретать какие-либо знания, навыки’, *учиться*² ‘быть учащимся какого-либо учебного заведения’, *учиться*³ ‘обучаясь, приобретать какую-либо профессию, специальность’, *учиться*⁴ ‘воспитывать, вырабатывать в себе какое-либо качество, умение’, *учиться*⁵

‘приобретать жизненный опыт, понимание окружающего’) имеется два производных со значением лица — производителя действия: *ученик* (*ученик*¹ ‘тот, кто учится в школе или в профессиональном училище’, *ученик*² ‘тот, кто учится чему-нибудь у кого-нибудь’, *ученик*³ ‘последователь чего-нибудь учения’) и *соученик* ‘человек, который учится или учился где-нибудь совместно с кем-нибудь’. Лексико-семантический вариант *ученик*¹ является производным от лексико-семантического варианта *учиться*², лексико-семантический вариант *ученик*² произошёл от формы *учиться*¹, вариант *ученик*³ развил свое значение в результате переосмысления значений лексико-семантических вариантов *ученик*¹ и *ученик*². Слово *соученик* появилось как синкрета семантики лексико-семантических вариантов *учиться*¹ и *учиться*² с учетом семантики словообразующего аффикса.

На основании изложенных выше примеров становится понятно, что производные и производящие могут соотноситься друг с другом по-разному в зависимости от следующих факторов: а) количество лексико-семантических вариантов производящего, мотивирующих производное (-ые), б) количество семантических вариантов производного, мотивированных производящим; в) семантическая деривация внутри самого производного.

Мы обнаруживаем следующие ситуации:

- 1) семантика производного равна сумме значений словообразовательных элементов (*изъяснитель*, *соученик*, *тайноведец*);
- 2) семантика производного шире в результате внутренней мотивации (*ведун*);
- 3) семантика производного или его лексико-семантического варианта отличается в связи с изменением семантики производящего (*восприемник*¹);
- 4) семантика производного полностью соответствует семантике двух или более лексико-семантических вариантов производящего (*выдумщик*, *выученик*);
- 5) семантика производного уже, чем семантика производящего, поскольку реализует не все его лексико-семантические варианты (*загадчик*, *гадалка*);
- б) семантика производного уже, чем семантика производящего, поскольку указывает на лицо по регулярной, а не ситуативной деятельности (*мыслитель*, *исследователь*).

Словообразовательная категория «лицо — исполнитель действия» в рамках семантического поля когнициии включает большое количество лексем. Несмотря на наличие у них общего значения — значения лица, — каждая лексема обладает дифференциальными семами, что в ряде случаев объясняется не исключительно производной основой, но и внутренним развитием семантики, а также отношениями в рамках более широкой единицы словообразования — парадигмы или гнезда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. — 14-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1983. — 816 с.
3. Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва: Наука, 1980. — Текст: непосредственный. Том 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 1980. — 783 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип. — М.: Русский язык, 1985—1988.
5. Смолькова М. В. Морфемарий словообразовательной категории суффиксальных существительных со значением лица / М. В. Смолькова // Гуманитарные исследования. — 2010. — № 4 (36). — С. 142–147.
6. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. — К.: Радянська школа, 1982. — 240 с.

Поступила в редакцию 23.05.2023 г.

D. I. Borozenets

THE WORD-FORMATION CATEGORY "PERSON — PERFORMER OF ACTION" IN THE SEMANTIC FIELD OF COGNITION

The paper attempts to comprehensively characterize the units included in the word-formation category as an element of the semantic field. The author describes both integral and differential values of all derivatives of the category "Person — performer of action". Special attention is paid to the elements of meaning that are not conditioned by the meaning of the generating and word-forming formants, as well as the word-formation relations of polysemants.

Keywords: *word-formation category, semantic field, cognition, polysemy.*

Борозенец Дарья Игоревна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант.
E-mail: borozenets.dasha@mail.ru

Borozenets Daria Igorevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Postgraduate.
E-mail: borozenets.dasha@mail.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Head of the Russian Language Department.
E-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 81'42

Д. А. Брацун

*Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — д-р филол. наук., проф. В. И. Теркулов)*

**ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ АББРЕВИАТУРНОГО
ОНОМАСИЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТОЧЕЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ»**

Работа посвящена описанию аббревиатурного ономаσιологического поля «точечный объект». Автором уточнено понятие «аббревиатурное ономаσιологическое поле», определены границы ономаσιологического поля «точечный объект», определены формальные модели эквивалентности аббревиатур ономаσιологического поля «точечный объект».

Ключевые слова: *аббревиатурное ономаσιологическое поле, точечный объект, сложносокращенное слово, номинатема, дешифровальный стимул.*

В последнее время ученые все чаще стали обращаться к исследованию больших тематических объединений номинативных единиц (Г. А. Мартинович, Г. Я. Мартыненко, Е. С. Кубрякова, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.). Это не случайно, поскольку дескрипция семантически взаимосвязанных сущностей позволяет наиболее атомарно (а значит — подробно) осуществить описание языковой картины мира того или иного языкового коллектива, в нашем случае — русского.

На наш взгляд, для целостного понимания сущности процессов категоризации и номинации следует применять комплексный семасио-ономаσιологический подход, способствующий исследованию языковых единиц как в направлении от плана выражения к плану содержания (семасиологический аспект), так и наоборот (ономаσιологический аспект). Таким методом исследования позволяет проследить базовые аспекты языковой деятельности и активного, и пассивного участника коммуникации, наглядно представить процесс зарождения и восприятия речи.

Для такого рассмотрения номинативных единиц основополагающим является полевой принцип описания. Этот подход получил большое развитие в семасиологических работах И. Трира, В. Порцига, В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, А. М. Кузнецова, Г. С. Щура и др. Исследователи понимают термин «поле» как родовое наименование для описания связанных, но все же разных по своей природе явлений. Выделяются парадигматические (И. Трир), синтаксические (В. Порциг), грамматические (В. Г. Адмони), функционально-семантические (А. В. Бондарко) и другие поля.

Цель исследования состоит в описании формальных моделей эквивалентности аббревиатур ономасиологического поля точечных объектов. Для достижения указанной цели требуется решить ряд **задач**:

- 1) уточнить понятие «аббревиатурное ономасиологическое поле»;
- 2) определить границы аббревиатурного ономасиологического поля «точечный объект»;
- 3) определить формальные модели эквивалентности аббревиатур ономасиологического поля «точечный объект».

Актуальность темы обусловлена возрастающей активизацией аббревиации как наиболее продуктивного способа создания производных номинативных единиц в современном русском языке. Аббревиатурные конструкты восполняют недостаточность традиционных словообразовательных средств для номинации новых понятий.

Кроме того, исследование аббревиационно-ономасиологического поля важно для решения прикладной проблемы: выводы, полученные при его исследовании, могут применяться и уже применяются при формировании словарных статей «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка», создаваемого в Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ».

Объект исследования: аббревиатуры со значением точечных объектов.

Предмет исследования: номинативный статус и механизмы формирования ономасиологической структуры и формальной организации сложносокращенных слов, входящих в данное ономасиологическое поле.

Сложносокращенным словом (ССС) считается «единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [1] (напр.: *авиаполигон* — *авиационный полигон* и т. д.).

Аббревиатурно-ономасиологическое поле (АОП) — это объединение СССР, которые характеризуются наличием тождественного компонента в составе значений, но обладают различной спецификой представленности концептуальных знаний. На основании этих особенностей выделяется группа лексем, именуемая нами как АОП. В названии отражаются основные характеристики этого объединения единиц языка. С одной стороны, обозначен ономасиологический подход к изучению явлений аббревиации, а с другой — обозначена полевая организация материала.

Исследование единиц, принадлежащих к одному АОП, требует описания того, как формируется ономасиологическая структура их значений. Представление об ономасиологической структуре отмечается в работах многих исследователей (М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова и др.).

По мнению В. И. Теркулова, «классификация ономасиологических классов композитов включает в себя три параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса, при этом отмечаются только субстантивные и атрибутивные номинатемы;

б) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда с указанием общеязыковой лексико-семантической группы, в которую входит данная ЛСГОЕ, построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономаσιологическая модель номинатемы, включающая „ономаσιологический базис“ и „ономаσιологический признак“ наименования» [4, с. 294].

Мы рассматриваем ССС, формирующие АОП композитов со значением точечных объектов. Признаки, определяющие АОП:

- структурное тождество объединяемых единиц (в нашем случае все слова являются ССС);

- общекатегориальное грамматическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все ССС относятся к существительным);

- ономаσιологическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все композиты-существительные имеют значение точечного объекта).

Точечные объекты — такие объекты, каждый из которых расположен только в одной точке пространства.

Точечные объекты уже являлись объектом рассмотрения в исследованиях некоторых лингвистов, однако зачастую такой анализ носил фрагментарный характер в силу конкретных лингвистических задач, которые ставили перед собой исследователи, а также по причине стремления авторов рассмотреть в целом систему наименований.

По картотеке первых двух томов «Толково-эквивалентного словаря...» обнаружено 17 ССС со значением ТО.

Ономаσιологические базисы АОП «ТО»: *вокзал* (1; 5,88%); *пост* (3; 17,65%); *развязка* (1; 5,88%); *станция* (3; 17,65%), *ангар* (1; 5,88%); *гавань* (1; 5,88%); *завод* (1; 5,88%); *склад* (1; 5,88%), *техникум* (1; 5,88%); *узел* (1; 5,88%); *школа* (1; 5,88%); *гараж* (1; 5,88%), *пункт* (1; 5,88%).

В предложенной В. И. Теркуловым концепции описание различных типов сложных слов закономерно включает:

- 1) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в ССС;

- 2) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);

- 3) описание модели образованного ССС.

При синхронном подходе, определяющем не процесс образования ССС, а отношения эквивалентности ССС — словосочетание, нами сохраняются следующие пункты предложенной модели:

- 1) описание модели эквивалентной единицы (конструкции);

- 2) описание модели ССС в соответствии с соотношением ее конструкторов с конструкторами эквивалентной единицы.

Модель эквивалентной единицы (конструкции) учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам ССС. В ней указывается на: количество компонентов продуцирующей единицы (конструкции); там, где их больше одного — на тип связи между ними, порядок их следования, грамматические характеристики.

Дешифровальный стимул. Дешифровальный стимул (далее — ДС) определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта» [5, с. 19], т. е. как слово или сочетание слов, являющееся эквивалентом абброконструкта и использующееся для его замены в эквивалентном словосочетании. Обычно абброконструкт имеет несколько ДС. Например, для абброконструкта *авиа* нами отмечаются ДС *авиационный*, *авиации*, *авиатехники*, для *авиационной техники*, *авиакосмический* и т. д. Множественность ДС

у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры. Конечно же, для отдельно взятого ССС используются не все ДС входящего в ее состав абброконструкта, а только те, которые «прогнозируются» ее значением [2].

Синхронное описание ДС, аббревиатур и эквивалентных словосочетаний включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

Модель структуры ДС. На первом этапе устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании [2]. Для моделирования применяются символы: у — базисный компонент, х — признаковый, т.е., собственно, ДС абброконструкта, адъект — адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ — существительное, предл — предлог, а — компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z — слово, входящее в ДС — словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

В ССС, относящихся к точечным объектам, мы насчитали 8 типов ДС (всего выявлено 62 эквивалента для ТО):

1. х — существительное (у-х: завод *авиации* — *авиазавод*), (7; 11,29%);
2. х(адъект) — простой адъектив (у-х(адъект): *заградительный пост* — *заградпост*), (17; 27,42%);
3. х-а — сложное существительное (у-х-а(сущ): *развязка автодорог* — *авторазвязка*), (5; 8,06%);
4. х-а(адъект) — сложный адъектив (у-х-а(адъект): *авиатехническая школа* — *авиашкола*), (11; 17,74%);
5. (предл)х — существительное с предлогом (у-(предл)х: *развязка для автомобилей* — *авторазвязка*), (8; 12,9%);
6. (предл)х-а — сложное существительное с предлогом (у-(предл)х-а: *развязка для автотранспорта* — *авторазвязка*), (5; 8,06%);
7. х(адъект)-z — словосочетание с зависимым адъективом (у-х(адъект)-z: *завод авиационной промышленности* — *авиазавод*), (5; 8,06%);
8. (предл)х(адъект)-z — предложное словосочетание с зависимым адъективом (у-(предл) х(адъект)-z: *развязка для автомобильного транспорта* — *авторазвязка*), (4; 6,45%).

Второй этап представляет собой установление определенной модели формальной разновидности эквивалентности для всех эквивалентных пар в пределах гнезда эквивалентности, которая изображает тип условного совпадения элементов словосочетания и конструктов аббревиатуры и соединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общие операторы для этих блоков — грамматические операторы, которые показывают частеречную принадлежность элементов эквивалентного словосочетания (сущ — существительное, прил — прилагательное и т. д.), на номер падежной формы (1 — именительный, 2 — родительный и т. д.), на числовую характеристику (ед — единственное, мн — множественное). Для указания сложных слов, входящих в словосочетание, применяется оператор «кп». В блоке аббревиатуры прибавляются операторы, которые устанавливают качество абброэквивалента (Осн — основа, Чосн — часть основы, Чосн1 — первая часть основы эквивалентного сложного слова, З1 — первый звук основы, Б1 — первая буква основы), а также оператор «инт», применяющийся, когда в аббревиатуре возникает интерфикс. В вариантах, когда при создании аббревиатуры «игнорируются» какие-либо элементы сочетаний слов, они приводятся в скобках после знака «-».

Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему дешифровальной матрицы.

Для аббревиатурного ономаσιологического поля «точечные объекты» выявлено 17 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: *заградительный пост* (17; 27,42%);
2. Прил1ед(кп)+Сущ1ед: *автотранспортная развязка* (11; 17,74%);
3. Сущ1ед+Сущ2ед: *пост заграждения* (5; 8,06%);
4. Сущ1ед+Сущ2мн(кп): *развязка автодорог* (1; 1,61%);
5. Сущ1ед+предл+Сущ2мн: *развязка для автомобилей* (3; 4,84%);
6. Сущ1ед+предл+Сущ2Нескл: *развязка для авто* (2; 3,23%);
7. Сущ1ед+предл+Сущ2ед(кп): *развязка для автотранспорта* (4; 6,45%);
8. Сущ1ед+Сущ2мн+Сущ2мн: *развязка автомобильных дорог* (1; 1,61%);
9. Сущ1ед+предл+Прил2ед+Сущ2ед: *развязка для автомобильного транспорта* (3; 4,84%);
10. Сущ1ед+Сущ2мн: *школа авиаторов* (1; 1,61%);
11. Сущ1ед+предл+Сущ2ед: *гараж для автомобиля* (2; 3,23%);
12. Сущ1ед+предл+Сущ2мн(кп): *гараж для автомашин* (1; 1,61%);
13. Сущ1ед+предл+Сущ2Нескл: *станция в метро* (1; 1,61%);
14. Сущ1ед+предл+Прил2мн(кп)+Сущ2мн: *гараж для автотранспортных средств* (1; 1,61%);
15. Сущ1ед+Сущ2Нескл: *станция метро* (1; 1,61%);
16. Сущ1ед+Сущ2ед(кп): *техникум авиастроения* (4; 6,45%);
17. Сущ1ед+Прил2мн+Сущ2ед: *техникум авиационного приборостроения* (4; 6,45%).

Цель ономаσιологического анализа сложных наименований — рассмотреть семантику производного в терминах ономаσιологических, понятийных категорий. Он предполагает анализ ономаσιологической структуры наименований, куда входит установление ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака наименования, а также особенностей семантической структуры ССС. В результате такого анализа выявляются наиболее частотные ономаσιологические модели формирования соответствующих наименований.

Стремление представить ССС на большем уровне абстракции, а также рассмотреть их ономаσιологическую структуру и ее особенности, реализуемые в различных номинативных моделях, со всех сторон, обусловило необходимость выделения укрупненной единицы — аббревиационно-ономаσιологического поля (далее — АОП).

Аббревиатурные наименования АОП вступают в парадигматические отношения с разными единицами. Для таких отношений характерно противопоставление нескольких элементов языка, выбор одного из взаимоисключающих элементов. Вероятность вхождения рассматриваемых аббревиатур в парадигматические ряды является еще одним фактором их объединения на основании полевого принципа.

Ономаσιологическая модель — это схема формирования номинативных единиц и их реализаций — результатов, соответственно, языковой и речевой номинации [3].

Е. А. Селиванова определяет ономаσιологическую модель на основании следующих признаков:

- 1) общего смысла ономаσιологического базиса (формантной структуры);
- 2) конкретного содержания двух или более ономаσιологических признаков (отсылочной части);
- 3) их валентного потенциала и смысловой связи;
- 4) типа отношений между базисом и признаком.

Ономаσιологическая структура слова включает в себя два основных компонента:

а) ономасиологический базис, который, является родовым понятием и отсылает нас к определенному понятийному классу,

б) ономасиологический признак, характеризующий видовую соотнесенность референта внутри обозначенного класса явлений.

Ономасиологическая структура слова включает два основных компонента:

а) ономасиологический базис (ОБ) — родовое понятие, отсылающее к определенному классу референтов;

б) ономасиологический признак (ОП), осуществляющий видовое определение референта внутри данного класса.

В аббревиатурном ономасиологическом поле «точечные объекты» выявлено 3 ОП, которые выражаются в следующих моделях:

1. Модель «ТО + квалификатив», ОП указывает на принадлежность объекта к определенному классу (*автогараж — автомобильный гараж* и т. д.).

2. Модель «ТО + дестинатив», ОП указывает на назначение лица, предмета, явления (*авиастанция — станция для авиации* и т. д.).

3. Модель «ТО + посессив», ОП указывает на принадлежность объекта кому-либо/чему-либо (*авиашкола — школа авиаторов* и т. д.).

4. Модель «ТО + локатив», ОП указывает на место события (*метростанция — станция в метро* и т. д.).

Были рассмотрены ССС, формирующие АОП композитов со значением точечных объектов. В первых 2-х томах «Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка» мы выявили 17 ССС, относящихся к АОП со значением точечных объектов. Нами обнаружено 8 типов ДС в данном АОП, самый распространенный из которых у-х(адъект). Выявлено 17 моделей формальной разновидности эквивалентности. Наиболее частотная из них — модель, реализующая схему Приллед+Сущлед. На основе ономасиологических базисов выделено 4 типа наименований, входящих в АОП «ТО».

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научнотехнические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. — М.: Воениздат, 1972. — 320 с.
2. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова // Наука и мир в языковом пространстве. — Макеевка, 2016. — С.51–57.
3. Дьячок Н. В. Критерии определения понятия «ономасиологическая модель» для номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб» / Н. В. Дьячок // Наукові записки. Серія «Філологічна». Вип. 26. — Острог: Національний університет «Острозька академія», 2012. — С. 96–99.
4. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.02 / В. И. Теркулов. — Горловка, 2008. — 472 с.
5. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Рукопись. — 2017. — №6. — С. 73–97.

Поступила в редакцию 18.05.2023 г.

D. A. Bratsun

PRINCIPLES OF DESCRIPTION OF THE ABBREVIATE ONOMASIOLOGICAL FIELD "POINT OBJECTS"

The work is devoted to the description of the abbreviated onomasiological field "point object". The author clarifies the concept of "abbreviated onomasiological field", defines the boundaries of the onomasiological field "point object", defines formal models for the equivalence of abbreviations of the onomasiological field "point object".

Key words: *abbreviated onomasiological field, point object, compound word, nominateme, deciphering stimulus.*

Брацун Дарья Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: darya.bratsun@mail.ru

Bracun Dar'ja Aleksandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate.
E-mail: darya.bratsun@mail.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Head of the Russian Language Department.
E-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 811.161.1

Т. А. Кириченко

Донецкий государственный университет

(Научн. рук. — д-р филол. наук., проф. В. И. Теркулов)

ПСЕВДОУНИВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ ОНИМОВ

Целью исследования является описание псевдоунивербализации сложносокращенных онимов, определение ее причин и моделей. В ходе исследования было установлено, что псевдоунивербализация, реализующаяся по двум ономастическим моделям, предполагает существование вторичных (неофициальных) эквивалентов сложносокращенных онимов, которые называют процесс или объект. Это позволило нам сделать вывод о том, что стереотипное разворачивание сложносокращенного онима по принципу простой дешифровки его компонентов влечет за собой ошибочное указание на иной денотат.

Ключевые слова: сложносокращенный оним, эргоним, универбализация, псевдоунивербализация.

В результате социальных и экономических процессов в России возникло множество деловых объединений, предприятий и пр., что повлекло за собой появление эргонимов — собственных имен «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1, с. 18]. В русском языке отмечается большое количество **эргонимов-аббревиатур, абброэргонимов**, например ресторан «АрДар», *Росзарубежцентр*, кафе «Z&M», МЧС и т. п. При этом необходимо различать **эргонимы с символической, условной мотивацией** (например, парикмахерская «Престиж», зоомагазин «Любимчик») от **эргонимов с реальной мотивацией**, указывающих на характер деятельности предприятия и выпускаемой им продукции или на место расположения организации (например *Государственный Русский музей*, *Минцифры*, *Роскомнадзор* и проч.). Повторим вслед за А. В. Суперанской, что в реальных эргонимах обязательно присутствует некоторая географическая привязка (*российский, всемирный* и т. д.), а также слово-классификатор (*комитет, завод* и т. д.) [2, с. 195].

Объектом нашего исследования являются сложносокращенные онимы (далее — ССО) — аббревиатуры, используемые для обозначения единичных объектов, которые чаще всего относятся к разряду **эргонимов с реальной мотивацией**. В качестве материала исследования выступили 184 ССО с абброконструктом *глав-*, 58 ССО с АК *рос-*, 93 ССО с АК *мин-*, 25 ССО с АК *гос-*, 77 ССО с АК *рай-*, 30 ССО с АК *гор-*. Источниками материала послужили: сайт Sokr.ru — электронный словарь сокращений русского языка; сайт Academic.ru — сервис для поиска по базе словарей.

Предметом исследования является псевдоунивербализация ССО конструктивного типа. **Цель** исследования — описать причины и модели псевдоунивербализации ССО.

Задачи: 1) дать определение ССО; 2) описать отличия образования ССО универбализационного типа от образования ССО конструктивного типа; 3) дать определение понятию псевдоунивербализации ССО; 4) определить причины псевдоунивербализации ССО; 5) определить модели псевдоунивербализации ССО.

При образовании ССО используются абброконструкты (морфематизированные сокращенные эквиваленты слов). В зависимости от того, какой абброконструкт стоит в начале ССО, образуются аббревиатурные группы. Например, нами отмечается 93 ССО с одинаковым препозитивным абброконструктом *мин-*: *Минатомэнергопром*, *Мингосимущество*, *Минжилкоммунхоз*, *Минздравсоцразвития* и т. д. При этом препозитивный абброконструкт в ССО всегда имеет одинаковую дешифровку. Например, препозитивный абброконструкт *мин-* всегда дешифруется только как «*министерство*» («*министерского*» среди ССО с препозитивным абброконструктом *мин-* не встретится); *гор-* всегда дешифруется только как «*городской*» (дешифровка «*город(а)*» в ССО с препозитивным абброконструктом *гор-* нами не отмечается).

Существует два мотивационных типа ССО:

1. Универбализационный тип. Универбализация — ситуация, «когда слово, замещающее словосочетание, выступает в качестве его дублета в пределах тождества единой номинативной единицы — номинатемы» [3, с. 138]). Образование ССО по универбализационному типу — это ситуация, когда ССО содержит в своей структуре абброконструкты всех слов, входящих в словосочетание. Например: *Минавиапром* — *Министерство авиационной промышленности*, *Росэксимбанк* — *Российский экспортно-импортный банк* и т. д.

Нами отмечается три модели формирования ССО по универбализационному типу.

Первая модель представляет сложение компонентов (модель «слог + слог + ...»): каждое слово словосочетания имеет эквивалентный абброконструкт, например *Минавиапром* — *Министерство авиационной промышленности*, *Минпромторг* — *Министерство промышленности и торговли*, *Минцветмет* — *Министерство цветной металлургии*.

Вторая модель представляет сложение абброконструкта и полной формы признаковой части, которая выражена одним словом (модель «слог + слово»). Например, *Мининфраструктуры* — *Министерство инфраструктуры*, *Миннауки* — *Министерство науки*, *Минэкономики* — *Министерство экономики*.

Третью модель представляют ССО, которые содержат несколько абброконструктов (два или три) и полную форму одного слова из признаковой части (модель «слог + слог + (слог) + слово»). Например, *Минагрополитики* — *Министерство аграрной политики*, *Мингосдоходов* — *Министерство государственных доходов*, *Минздравсоцразвития* — *Министерство здравоохранения и социального развития*, *Росэксимбанк* — *Российский экспортно-импортный банк*.

2. Конструктивный тип. Универбализация не является обязательной моделью формирования ССО, они достаточно регулярно конструируются. Конструирование ССО — ситуация, когда ССО и соответствующее ему словосочетание формально не соответствующ друг другу. Например: *Росинтерфест* — *Российская национальная федерация международных фестивалей*, *Ростехинвентаризация* — *Российский государственный центр инвентаризации и учета объектов недвижимости*, *Нацбизнесбанк* — *национальный банк развития бизнеса*.

Нами отмечается три модели формирования ССО по конструктивному типу.

Первая модель отличается относительной формальной независимостью ССО от соответствующего ему словосочетания. Здесь наблюдается увеличение семантического объема ССО за счет обобщения значений некоторых слов, когда перенос наименования производится на предметы того же класса. ССО находит такой абброконструкт,

который вбирает в себя семантику ключевых компонентов словосочетания. Например, *Росзарубежцентр* — **Российский центр** международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, где международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации заменяется абброконструктом *-зарубеж-*; *Росинтерфест* — **Российская национальная федерация** международных фестивалей, где *-интер-* вбирает в себя национальная федерация международных.

Вторая модель является разновидностью предыдущей модели. В данном случае ССО также отличается относительной формальной независимостью от соответствующего ему словосочетания, но при этом включает искусственный компонент, который не связан со словосочетанием семантически. Например, *Ростехинвентаризация* — **Российский государственный центр инвентаризации и учета объектов недвижимости**, *Роскомплектнефтеснаб* — **Всероссийская техническая контора по комплектации и материально-техническому снабжению**, где такие компоненты ССО, как *-тех-* не вбирает в себя семантику словосочетания *государственный центр учёта объектов недвижимости*, а *-нефте-* не вбирает в себя семантику словосочетания *техническая контора по материально-техническому (снабжению)*.

Третья модель также представляет ССО, которые отражают не все компоненты словосочетания, а только основные для понимания его семантики, но при этом не вводят семантический или искусственный абброконструкт. Например, *Минбыт* — **министерство бытового обслуживания населения**; *Мининформсвязи* — **министерство информационных технологий и связи**; *Рослесмаш* — **Ассоциация организаций лесного машиностроения России**. В шестой модели выделяется три подвида ССО:

- [слог + слог + ... + слог]. Например, *Росгосстрах* — **Российская государственная страховая компания**;

- [слог + слово]. Например, *Росшельф* — **Российская компания по освоению шельфа**;

- [слог + слог + ... + слово]. Например, *Росбытсоюз* — **Российский союз предприятий и организаций бытового обслуживания населения**.

Образование ССО по конструктивному типу часто приводит к затемнению внутренней формы наименования, поскольку в нем отражается не текстовая эквивалентность «слово — словосочетание», а «творческая фантазия номинатора». Например, слово: *Главкопирфильм* — имеет в качестве эквивалента словосочетание *Главное управление массовой печати фильмов*. Как видим, в данном ССО универбализуется только два компонента эквивалентного словосочетания — *глав-* и *-фильм*, а компонент *-копир* замещает комплекс *управление массовой печати*, но формально не эквивалентен ему.

Вследствие этого ССО, образованные по конструктивному типу, имеют не один, а несколько дешифровальных стимулов. В гнезде эквивалентности ССО зачастую отмечается два эквивалента: официальный и неофициальный. Официальный эквивалент ССО — это эквивалент, который чаще всего фиксируется лишь в документах и мало используется в общении. Например, *Рособрнадзор* — **Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки**. Неофициальный эквивалент — это эквивалент, который используется в повседневном общении и не фиксируется в официальных изданиях. Например, *Рособрнадзор* — **российский образовательный надзор, российский надзор образования**. Такой эквивалент дешифруется реципиентами по модели ССА.

Псевдоунивербализация ССО — это ситуация, когда на базе ССО разворачивается вторичное словосочетание (эквивалент с тождественным значением). Например, эквивалентное ССО *Рособрнадзор* словосочетание **Российский образовательный надзор** является, скорее всего, вторичным, поскольку словосочетание *Российский образовательный надзор* встречается в поисковых машинах 207 раз, а ССО *Рособрнадзор* — 1 920 000 раз. Иначе говоря, слово употреблено почти в 10 тыс. раз чаще словосочетания, что косвенно может свидетельствовать в пользу его первичности по отношению к словосочетанию. Приведем еще примеры: ССО *Госрезерв* отмечается в поисковых машинах 224 тыс. раз, словосочетание **Государственный резерв** — 30 тыс. раз; ССО *Минхиммаш* — 2800 раз, а словосочетание **Министерство химического машиностроения** — 430 раз; ССО *Госсельсклад* — 760 раз, словосочетание **Государственный сельскохозяйственный склад** — 100 раз. Как видим, данные эквиваленты употребляются крайне редко и практически не отмечаются в эквивалентных текстах (текстах, в которых аббревиатура и ее эквивалент выступают в качестве абсолютных синонимов), что тоже позволяет предположить их вторичность.

Псевдоунивербализация подразумевает развертывание по модели простой дешифровки входящих в ССО аббреконтруктов. В сознании носителей языка сложился стереотип: если в состав слова входит аббреконтрукт, то этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент этого аббреконтрукта. Вторичное развертывание ССО может быть обусловлено особенностями языковой компетенции носителя языка, его желанием конкретизировать значение ССО в производном словосочетании. Например, ССО *Главгосэнергонадзор*, образованный от словосочетания *Главное управление государственного энергетического надзора Министерства топлива и энергетики Российской Федерации*, получает по причине наличествующего в сознании носителя языка стереотипа замены аббреконтрукта *Глав-* прилагательным *главный*, что влечет за собой появление вторичного эквивалента **Главный государственный энергетический надзор**, в то время как *Глав-* всегда соответствует устойчивой конструкции *Главное управление*.

Регулярность простого развертывания ССО во вторичное словосочетание можно проследить и на ономаσιологическом уровне. Например, ССО *Росдорлизинг*, дешифруемый носителями языка как *российский дорожный лизинг*, имеет такую ономаσιологическую модель: локатив + отрасль + дестинатив. В то время как официальный эквивалент ССО — *Российская дорожная лизинговая компания* — отличается наличием еще одного компонента: локатив + отрасль + дестинатив + учреждение, что в корне меняет семантику ССО, поскольку *российский дорожный лизинг* — это **процесс** аренды оборудования с возможностью его выкупа в дальнейшем, а *Российская дорожная лизинговая компания* — это учреждение, которое занимается организационными вопросами в сфере лизинга. *Рособрнадзор* — *Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки* имеет следующую ономаσιологическую модель: статус + учреждение + дестинатив + локатив + локатив. Вторичный эквивалент *российский образовательный надзор* имеет иную модель, такую же, как вторичный эквивалент ССО *Росдорлизинг*: локатив + отрасль + дестинатив. Снова наблюдаем искажение семантики: вместо объекта, вторичный эквивалент называет процессуальное значение. ССО *Росвоенипотека*, имеющая официальный эквивалент *Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих* и неофициальный (вторичный) — *Российская военная ипотека* (локатив + отрасль + дестинатив) еще раз подтверждает все вышесказанное.

Иногда встречается и другая модель вторичного эквивалента. Например, ССО *Госсельсклад* (*Управление государственных сельскохозяйственных складов*) имеет

такой вторичный эквивалент, как *государственный сельскохозяйственный склад*, который строится по модели «статус + дестинатив + объект»; ССО *Госрезерв (Государственное агентство резерва)* имеет вторичный эквивалент *государственный резерв* (статус + объект); ССО *Главфармазавод (Главное управление государственными химико-фармацевтическими заводами)* имеет вторичный эквивалент *Главный фармацевтический завод* (статус + отрасль + объект). Данная ономаσιологическая модель хоть и называет объект, а не процесс, но этот объект не является синонимом учреждения, из-за чего исходная семантика снова претерпевает изменения.

Как видим, выведение двух ономаσιологических моделей вторичного эквивалента ССО говорит о регулярности подобных образований. Вторичные эквиваленты зачастую называют какой-либо процесс или объект, чем существенно отличаются от официальных эквивалентов ССО. Не имеют подобной искаженной семантики лишь такие ССО, которые в своем составе имеют компонент собственно учреждения. Например, препозитивный абброконструкт *мин-* правильно дешифруется носителями языка как *Министерство*, и только такие ССО претерпевают наименьшее искажение семантики. Такой ССО, как *Минхиммаш (Министерство химического и нефтяного машиностроения)* имеет вторичный эквивалент *Министерство химического машиностроения* (учреждение + отрасль + фактитив). Во вторичном эквиваленте утеряно название еще одной отрасли (*нефтяного*), поскольку его компонент (*нефте*) не отображен в ССО. Однако несмотря на неполное восстановление словосочетания ССО, семантика ССО все же сохраняется, поскольку в данном случае вторичный эквивалент не называет какой-либо процесс или объект, а точно указывает на учреждение.

Таким образом, наше исследование показало, что псевдоунивербализация ССО, реализующаяся по двум ономаσιологическим моделям, зачастую называет объект или процесс. В то время как ССО всегда подразумевает лишь семантику учреждения, регулирующего процесс работы завода, предприятия и т. п. Это говорит нам о том, что в употреблении ССО носителями языка могут совершаться ошибки, вследствие называния иного денотата (ср. *Нацгосслужба* как *Национальное агентство по вопросам государственной службы* и как *национальная государственная служба*), что влечет за собой неправильное восприятие реципиентом ССО и дальнейшее его искаженное существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973. — 336 с.
3. Теркулов В. И. Универбализация: постановка проблемы / В. И. Теркулов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. — 2010. № 3. — С. 135–142.

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

T. A. Kirichenko

PSEUDO-UNIVERSALISATION OF COMPOUND-ABBREVIATIONS NAMES

The aim of the study is to describe pseudo-universalization of compound-abbreviations names and to identify its causes and models. In the course of the study it was found that pseudo-universalization, realized by two onomasiological models, implies the existence of secondary (unofficial) equivalents of the compound compound-abbreviations names, which name a process or an object. This allowed us to conclude that the stereotypical unfolding of a compound-abbreviated name on the principle of simple decoding of its components entails the erroneous indication of a different denotation.

Key words: *compound-abbreviated name, ergonim, universalization, pseudo-universalization.*

Кириченко Татьяна Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: t_a_kirichenko@mail.ru

Kirichenko Tat'jana Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: t_a_kirichenko@mail.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Head of the Russian Language Department.
E-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 81'42

И. Р. Смирнова

Донецкий государственный университет

(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ НЕИНИЦИАЛЬНЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию специфики формальной структуры неинициальных абброконструктов как единиц, выступающих сокращенными формально-семантическими дублетами слов. В ходе исследования установлены особенности формального представления неинициальных абброконструктов в русском языке, в частности, описаны ситуации их графического и фонемного несоответствия развернутым эквивалентам, а также типологизированы случаи формальной вариативности таких единиц.

Ключевые слова: *сложносокращенное слово, неинициальный абброконструкт, абброгруппа, вариантный абброконструкт, интерфиксный вариант, графический вариант, количественный вариант, качественный вариант.*

Результатом процесса аббревиации является образование лексических единиц, которые содержат в своей структуре сокращенные эквиваленты слов, обозначаемых терминами «аббревиатуры» или «сложносокращенные слова». Под **сложносокращенным словом** (далее — ССС) нами понимается «единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [5, с. 74], например, *госревизия* — *государственная ревизия*.

Совокупность сложносокращенных слов с одинаковым абброконструктом образует аббревиатурную группу, или **абброгруппу** (далее — АГ), например, АГ *студ* (*студклуб* — *студенческий клуб*; *студконференция* — *конференция студентов*; *студком* — *студенческий комитет* и т. д.), АГ **проф** (*профзаболевание* — *профессиональное заболевание*; *профотбор* — *профессиональный отбор*; *профадаптация* — *профессиональная адаптация*; и т. д.) и др.

Изучение особенностей формального выражения неинициальных абброконструктов производится на языковом материале, собранном в «Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка» под ред. В. И. Теркулова (далее — Словарь [6]): словник словаря содержит около 10 тыс. номинативных единиц, которые подвергаются описанию в рамках 758 абброгрупп.

Формально-семантическая структура сложносокращенных слов складывается обыкновенно в процессе универбализации — синтаксической компрессии

словосочетания в слово, например *государственный департамент* > *госдепартамент*. Вследствие универбализации на базе того или иного компонента словосочетания формируется **абброконструкт** (далее — АК) — «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [5, с. 74], например, АК *вент* (*вентствол* — *вентиляционный ствол*), АК *вет* (*ветлечебница* — *ветеринарная лечебница*) и др.

Таким образом, формальный облик АК обыкновенно сообщается ему производящим словом: *ветеринарная клиника* — *ветклиника*, *генеральный штаб* — *генштаб*. Однако формально-эквивалентностный анализ единиц, входящих в словарь, позволил выявить случаи формального несоответствия абброконструкта с его развернутым эквивалентом: например, *военчасть* — *войсковая часть*; *аптекоуправление* — *аптечное управление*; *стройбригада* — *бригада строителей*; *вальцмашина* — *валковая машина* и т. д.

Наличие в составе АК интерфикса (например, *центр-о-банк* — *центральный банк*; *бой-э-готовность* — *готовность к бою* и т. д.) не рассматривается нами как формальное различие между сокращённым конструктом и эквивалентом. Интерфикс используется при словообразовании как формальное средство связи между структурными элементами ССС, следовательно, как компонент АК он формально и семантически не связан с его развернутым эквивалентом, так как не выводится из структуры последнего и не имеет плана содержания.

В ходе исследования установлено, что ситуации формального несоответствия АК лексическому эквиваленту могут затрагивать различные аспекты языка. По характеру несоответствия АК с его развернутым дублетом можно выделить несколько типов формальных отличий между ними.

1. **Графические различия** предполагают, что фонемный состав АК соответствует эквивалентному слову, но отличным образом передается при написании. Например, *альфоль* — *алюминиевая фольга* (в первом случае фонема <л'> передается с помощью буквосочетания «ль», во втором случае — буквой «л»); *стройбригада* — *строительная бригада*, *бригада строителей* (в первом случае фонема <j> передается буквой «й»; во втором случае после гласной и перед <и> фонема <j> на письме не обозначается).

2. **Фонемные различия** наблюдаются на уровне алломорфов, когда при сравнении фонемного состава АК и его дублета выявляется чередование, например, *кроликоферма* — *кроличья ферма* (к//ч); *валковая машина* — *вальцмашина* (к//ц); *Богоматерь* — *Матерь Божья* (г//ж); *военчасть* — *воинская часть* (е//и).

Неинициальные АК реализуют свой формально-семантический потенциал, воплощаясь в системе эквивалентов, или дешифровальных стимулов (далее — ДС). Для неинициальных конструктов А. И. Бровцом было выделено несколько типов ДС и их разновидностей (см. [1]) Чередование фонем чаще всего наблюдается в ситуации параллельной дешифровки АК через презентативный и релятивный ДС, представленные прилагательным и существительным соответственно, что особенно характерно для композитных аббревиатур: *аптекоуправление* — *аптечное управление* (презентатив, прил.), *управление аптек* (релятив, сущ. в Р. п. мн. ч.); *Богоматерь* — *Матерь Божия* (*Божья*) (презентатив, прил.); *Матерь Бога* (релятив, сущ. в Р. п.) и т. д.

Формальные различия между АК и эквивалентом на фонемном уровне возникают, как правило, в процессе универбализации при замене одного из компонентов словосочетания стереотипной формой уже существующего в языке АК, например, *воинский учет* — *военучет*; *валковая машина* — *вальцмашина* и т. п.

Случаи, когда форма АК не выводится непосредственно из формы эквивалента, свидетельствуют о морфематизованности неинициальных АК как языковых единиц. В

частности, АК может быть использован в процессе деривации в качестве словообразовательной морфемы (так называемой «абброморфемы» (см. подробнее [4]), то есть присоединяться непосредственно к слову, как, например, в ССС *юрислингвистика*. Впоследствии у абброморфем могут возникать мотивационные связи с лексическими единицами, которые осознаются как их синхронные эквиваленты, например, *юрис-* — *юридический* (*юрислингвистика* — *юридическая лингвистика*); формальные различия между АК и его синхронным эквивалентом, таким образом, могут появляться также при псевдоунибербализации.

В процессе анализа языкового материала было обнаружено значительное количество ССС с абброконструктом, который в рамках АГ представлен несколькими формами, например, *алюмзавод* (*алюминиевый завод*), *алюмофлюс* (*алюминиевый флюс*), *альфоль* (*алюминиевая фольга*), т. д. (в АГ «аль, алюмо, аль»); *графключ* (*графический ключ*), *графомоторика* (*графическая моторика*) и др. (в АГ «граф, графо») и т. д. Тот факт, что для некоторых неинициальных АК в русском языке отмечается несколько стереотипных вариантов формального представления их эквивалентов, позволил выделить две разновидности таких единиц.

1. **Инвариантные** абброконструкты имеют в языке единственное формальное выражение: им соответствуют такие единицы, как *авиа* (*авиационный, авиации: авиабаза — авиационная база, авиабригада — бригада авиации*), *агро* (*аграрный, агрономический: агробизнес — аграрный бизнес, агроинститут — агрономический институт*) и др.

2. **Вариантные** абброконструкты имеют несколько закрепленных способов формального представления, т. е. обладают фонетическими вариантами, например, *пат* — *патолого* (*патологический*), *вин* — *вино* (*винный*), *мор* — *море* (*морской*) и т. д.

В данном исследовании описанию и типологизации подвергаются **вариантные абброконструкты**, которые рассматриваются как единицы, обладающие несколькими способами формального представления в языке.

Можно выделить несколько основных причин, по которым у неинициальных АК возникают параллельные фонетические варианты.

1. Присоединение к АК интерфикса, обусловленное особенностями словообразования (например, композитных ССС: *газ-о-анализ* — *анализ газ-а*; *нефт-е-импорт* — *импорт нефт-и* и т. д.) или соблюдением определенных фонетических законов при образовании ССС (например, интерфиксы часто используются на стыке согласных: *пневм-о-гравер* — *пневматический гравер*, *центр-о-банк* — *центральный банк* и т. д.).

О наличии у АК интерфикса можно говорить в том случае, когда в его абсолютном конце присутствуют фонемы -о или -э, которые отсутствуют в структуре его формального дублета. Относительно, например, АГ «дем, демо» (*демонстрационный*), АГ «град, градо» (*градостроительный*) нельзя говорить о вариативности АК по признаку наличия или отсутствия интерфикса, а к группам «маск, маско» (*маскировочный*), «жен, жено» (*женский*) и др. эта дифференциация применима.

Особо надо рассматривать ситуацию, когда АК формально эквивалентен в словосочетании простому конструкту ССС, например, *лесоакадемия* — *лесотехническая академия*. Такие случаи трактуются обыкновенно как перенесение в структуру АК интерфикса производящего для него компонента (см., например, [3, с. 313]), следовательно, не относятся к результатам интерфиксации.

Также при сопоставлении АК и его эквивалента с интерфиксом может фонетически совпадать начальный звук следующей за корнем сокращаемого слова морфемы (например, *газо* — *газ-ов-ый: газоанализатор* — *газовый анализатор*,

анализатор газа). В. И. Теркулов трактует ситуацию совпадения звука морфемы и конечного звука АК как интерфиксацию, а не перенесение компонентов исходных служебных морфем, «в силу того, что обычно сокращение все же стремится к стыку морфем» [3, с. 313].

Формы АК, которые соотносятся между собой по признаку наличия или отсутствия в его структуре интерфикса, определяются как **интерфиксные варианты**: *алюм-* — *алюмо-* (*алюминиевый*), *кон-* — *коне-* (*конь, конный*), *лазер-* — *лазеро-* (*лазерный*) и т. д.

2. Различные способы сокращения словесных эквивалентов некоторых АК: *авиационный метеорологический центр* — *авиаметеоцентр, авиаметцентр* и т. д.

3. Повторная компрессия сложносокращенного слова: например, *асбоцемент* (сокращение от *асбестоцемент*) — *асбестовый цемент*; *дизгенератор* (сокращение от *дизель-генератор*) — *дизельный генератор*.

Варианты АК, которые соотносятся между собой как его полная и краткая формы, получают в работе название **количественных**, например, *кон* — *конно* (*конный*), *диз* — *дизель* (*дизельный*), *муз* — *музыка* (*музыкальный*), *копи* — *копир* (*копировальный*), *авиамет* — *авиаметео* (*авиационный метеорологический*) и т. д.

4. Различный фонемный состав эквивалентов АК той или иной абброгруппы, например АГ *крово* — *кروه* (*кровавый, кровавой, кровь: кровеснабжение — снабжение кровью, кровавое снабжение; кровоподтек — кровавый подтек*); а также фонетические особенности компонентов производящего для ССС словосочетания: *военный фельдшер* — *военфельдшер, военный начальник* — *военачальник* (во втором случае происходит редукция конечного *н* в АК *воен-* с целью избежать соседства одинаковых фонем и сократить количество произносительных усилий).

Формы АК, которые имеют локальные отличия в наборе фонем, определяются как его **качественные варианты**: *крово* — *кروه* (*кровоной, кровавый*), *комбо* — *комби* (*комбинированный*).

5. Редкие случаи вариативного написания АК, когда у него появляются графические варианты: например, *арома-* — *аромо-* (*аромамасло (аромомасло) — ароматическое масло*), *магнито-* — *магнето-* (*магнитогенератор (магнетогенератор) — магнитный генератор, генератор магнитного поля*), *фолк-* — *фольк-* (*фолк-альбом (фольк-альбом) — фольклорный альбом*).

Графический вариант — это формальный вариант АК, актуализирующий вариативное написание последнего в русском языке. Такого типа вариативность возникает чаще всего у единиц, которые образованы от заимствованных слов. Различные написания АК можно обозначить как графические варианты, только если оба являются частотными, то есть функционируют в языке параллельно.

Как правило, нормативным признается наиболее употребительный вариант: например, для АК *арома-* (*аромо-*) вариант *арома-* определяется справочно-информационными порталами, например, ГРАМОТА.РУ [2], как единственно правильный, а *аромо-* — как ошибочный, однако в Словаре фиксируются оба варианта написания АК, т. к. они обнаруживаются у большинства единиц абброгруппы.

Исходя из приведенной классификации причин вариативности АК, можно сделать вывод, что формальные различия языковых реализаций АК обычно проявляются в модификациях фонемного состава таких единиц. Основываясь на определении сущности этих изменений, можно выделить следующие типы формальных модификаций неинициальных АК:

1. **Количественные модификации**, при которых варианты АК структурно соотносятся на основании количественного фонемного несоответствия, при этом

порядок и качество фонем в них не меняется. Проявляются, например, в вариантных парах *фос* — *фосфо*, *адм* — *админ*, *асбо* — *асбесто*, *гео* — *геол* — *геолого* и т. д.

К количественному типу вариантных АК относятся единицы, которые обладают интерфиксными вариантами, например *пласт* — *пласто*, *центр* — *центро*, *шахт* — *шахто*; а также единицы, варианты которых соотносятся как краткая и полная формы АК в зависимости от количества фонем, отражающих основу эквивалента: *фос* — *фосфо* (*фосконцентрат*, *фосфоконцентрат* — *фосфатный концентрат*), *адм* — *админ* (*адмур*, *админур* — *административное управление*), *лёдо* — *льдó* (*ледобур*, *льдóбур* — *ледовый бур*, *бур для льда*) и т. д. Следует отметить, что в последнем случае фонетические изменения в составе форм АК влекут за собой изменения акцентного характера.

2. **Качественные модификации**, при которых в составе АК происходят изменения качества фонем без варьирования по количественному параметру: *магнито* — *магнето*; *арома* — *аромо*; *фолк* — *фольк*; *крово* — *крове*; *комбо* — *комби* и т. д.

Качественные изменения АК могут быть обусловлены:

а) формальными, в частности, фонетическими различиями актуальных словесных эквивалентов АК: например, *фолк-альбом* (*фольк-альбом*) — *фольклорный альбом*; *альбом фолк-музыки*.

б) переосмыслением фонетического облика АК, эквивалентных словам иноязычного происхождения: *арома* — *аромо* (*ароматический*), *магнето* — *магнито* (*магнитный*) и т. д.

Например, что касается АК *магнито-* (*магнето-*), то его ДС — лексемы «магнит», «магнитный» — древнерусского происхождения, однако первоначально были заимствованы из греческого языка: *magnētis* означает буквально «камень из г. Магнезии» [7]. Поэтому в языке закрепился также графический вариант *магнето-*, который является перенесением формального облика слова-источника. При этом форма *магнито-* является общеупотребительной, а также признается нормативной с литературной точки зрения. Отметим, что оба варианта сосуществуют в языке, и, следовательно, фиксируются в Словаре как параллельные варианты.

Если АК, эквивалентные словам иноязычного происхождения, оканчиваются на гласный, то возможно появление у них параллельного интерфиксного варианта: например, *комби-* — *комбо-* (*комбооружие* — *комбинированное оружие*) и т. д.

в) появлением у одного АК параллельных вариантов интерфиксных форм: *крово* — *крове* (*кровяной*, *кровавый*, *крови*). Интерфикс -о или -е обыкновенно зависит от фонетических характеристик усеченной при универбализации основы слова: если усечение оканчивается на твердый согласный, то к нему обыкновенно присоединяется интерфикс -о, например, *кровавый подтёк* — *кров-оподтёк*; а если оканчивается мягким звуком — интерфикс -е: *паразит в крови*, *кровяной паразит* — *кров-епаразит*.

Однако это правило обнаруживает ряд исключений, и одним из объяснений интерфиксной вариативности, на наш взгляд, можно назвать тенденцию к постепенному приведению слов той или иной абброгруппы к единому облику, т.к. языковая система, постоянно тяготеющая к унификации средств выражения, стремится соблюсти единство выражения одних смыслов с помощью одних и тех же форм. Так, большинство слов АГ «крово, крове» имеют формальные варианты: *кровообращение* (*кровеобращение*) — *обращение крови*; *кровоснабжение* (*кровеснабжение*) — *кровяное снабжение*; *кровезаменитель* (*кровозаменитель*) — *заменитель крови* и т. д. Однако в современном русском языке преобладает вариант *крово*, который активно вытесняет устаревшую форму *крове*, является более частотным, а также регулярным при словообразовании.

3. **Качественно-количественные модификации** — комбинированный тип, при котором изменяется как количественный состав, так и качество фонем, входящих в состав АК: *кроле* — *кролико* (*кролик, кролиный, кроличий*); *коне* — *конно* (*конезаводчик — конный заводчик, заводчик коней; конногвардеец — конный гвардеец*). Подобные изменения могут быть связаны с различной репрезентацией в языке референта, с которым связан АК, чем обуславливается несовпадение формального облика вариантов.

На основе соотношения в языке различных формальных вариантов неинициальных АК, аббревиатурные группы можно охарактеризовать по признаку соотношения частотных вариантов таких единиц в рамках следующих типов:

1. Абброгруппы с преобладанием по частотности и регулярности употребления одного из параллельных вариантов АК в составе словарных единиц: *ледо* > *льдо*; *магнито* > *магнето*; *арома* > *аромо* и т. д.

2. АГ с равнозначным по регулярности употреблением вариантов в языке. Чаще всего это АГ с интерфиксными вариантами: *граф* — *графо*, *град* — *градо*, *дым* — *дымо* и т. д.

2(а). С равнозначным распределением вариантов среди номинативных единиц; при этом варианты АК способствуют образованию формальных дублетов у одних и тех же номинативных единиц: *лазер* — *лазеро* (*лазеркоагуляция (лазерокоагуляция) — лазерная коагуляция; лазеропунктура (лазерпунктура) — лазерная пунктура* и т. д.)

2(б) С равнозначным распределением вариантов среди номинативных единиц; при этом различные формы АК встречаются в разных словарных единицах АГ: *мех* — *механо* (*механолечение, механомонтаж; мехзавод, мехзвено, мехколонна* и т. д.), *вин* — *вино* (*винотерапия, виноторговец, виноторговля; винпром, винсклад, винтрест* и т. д.)

3. АГ с единичными случаями формоизменения АК: *муз* (*музальбом, музвидео, музгруппа* и т. д.) > *музыка* (*музыкотерапия*); *раб* (*рабфак, рабсчила, раброта* и т. д.) > *рабоч* (*рабочком*); *обл* (*облбольница, облбюджет, облбюро* и т. д.) > *об* (*обком*), *област* (*областком*); *опто* (*оптоэлектроника, оптотехника, оптокабель* и т. д.) > *оптико* (*оптикомеханика*) и т. д.

Относительно особенностей формального представления неинициальных абброконструктов в русском языке следует отметить, что, во-первых, такие единицы могут воплощаться при помощи нескольких форм, т. е. обладать фонетическими вариантами. АК, имеющие несколько закрепленных способов формального представления в языке, определяются как вариантные и противопоставляются инвариантным единицам, выражающимся посредством единственной формы. Среди основных причин возникновения у АК фонетических вариантов установлены следующие: присоединение к нему интерфикса; различные способы сокращения словесных эквивалентов АК; повторная компрессия сложносокращенного слова; различный фонемный состав эквивалентов АК той или иной абброгруппы; фонетические особенности компонентов производящего для ССС словосочетания; редкие случаи вариативного написания. В работе выделены интерфиксные, количественные, качественные, графические типы вариантов неинициальных АК. В соответствии с данной классификацией можно говорить о качественных, количественных и качественно-количественных (комбинированных) формальных модификациях изучаемых единиц. Количественное соотношение частотных вариантов АК в пределах абброгрупп в работе характеризуется посредством выделения трёх основных категорий последних: 1 — АГ с преобладанием одного из параллельных вариантов АК в составе словарных единиц; 2 — АГ с равнозначным по регулярности употреблением вариантов в языке; 3 — АГ с единичным случаем формоизменения АК.

Во-вторых, между АК и его лексическим эквивалентом могут обнаруживаться формальные различия. Данные различия возникают как в процессе универбализации при замене одного из компонентов словосочетания стереотипной формой уже существующего в языке АК, например, *войсковая часть* — *военчасть*; *воинский учёт* — *военучет*; *валковая машина* — *вальцмашина*; так и в процессе псевдоунивербализации при дешифровке абброморфемного АК с помощью слова, которое не являлось для него производящим, но было осознано в качестве его актуального синхронного эквивалента: *юрислингвистика* — *юридическая лингвистика*. Случаи формального несоответствия АК развернутому эквиваленту дифференцированы нами в рамках различий графического и фонемного характера. Результаты исследования позволяют определить АК как морфематизованную языковую единицу, которая может использоваться для образования новых слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. — Макеевка: ДонНАСА, 2016. — С. 51–57.
2. ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gramota.ru/>.
3. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. — Горловка, 2008. — 472 с.
4. Теркулов В. И. О разновидностях абброконструктов: абброэквивалент и абброморфема / В. И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы 5 Международной конференции. — Краснодар, 2015. — С. 30–33.
5. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
6. Толково-эквивалентный словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, Е. А. Акулич и др.; Под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». — Донецк, 2018.
7. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. — Т. 2. — Вып. 8: К. — М.: Изд-во МГУ, 1982–1982.

Поступила в редакцию 14.05.2023 г.

I. R. Smirnova

THE FEATURES OF NON-INITIAL ABBROKONSTRUCTS FORMAL IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the description of the formal specifics of non-initial abbroconstructs as abbreviated doublets of words. This work establishes the features of the formal representation of non-initial abbroconstructs in the Russian language, in particular, describes the situations of graphic and phonemic inconsistencies with their complete equivalents and typologizes cases of the formal variability of studied units.

Key words: *compound word, non-initial abbroconstruct, abbrogroup, variant abbroconstruct, interfix variant, graphic variant, quantitative variant, qualitative variant.*

Смирнова Ирина Романовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: smirinaa15@gmail.com

Smirnova Irina Romanovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate.
E-mail: smirinaa15@gmail.com

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Head of the Russian Language Department.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 821.161.1

С. Д. Новиков

*Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва
(Научн. рук. — канд. пед. наук, доц. Т. Ю. Герасимова)*

ОБРАЗ ПУГАЧЁВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

В данной статье рассматривается образ Емельяна Пугачёва двух произведений А. С. Пушкина: исторической монографии «История Пугачёва» и повести «Капитанская дочка».

Ключевые слова: Пугачёвский бунт, историческая тема, образ Е. Пугачёва.

Пугачёвский бунт оставил огромный отпечаток в российской истории. Восстание яицких казаков в 1772 году, которое переросло в масштабную войну крестьян и казачества под предводительством Емельяна Пугачёва. Он выдавал себя за пропавшего Петра III и таким образом восстание состояло из двух противоборствующих сторон: с одной стороны крестьяне и казаки, с другой царский режим Екатерины II. Этот бунт вошел в историю России, как одно из самых масштабных восстаний [1].

По показаниям командира пугачевской гвардии — восстание Емельяна Пугачёва началось в сентябре 1773 году и длилось до января 1775 г. Емельян Пугачёв пустил слух на реке Яик, что он чудом спасшийся император и что он собирает огромное войско, чтобы вернуть себе престол. Данный слух мгновенно разлетелся по Яику [2]. В самом начале армию составляли казачьи войска, но со временем и с каждым новой захваченной крепостью, армия Е. Пугачёва пополнялась артиллерией и новыми солдатами в лице крестьян и рабочих уральских заводов. Восстание стремительно распространялось и захватывала смежные территории, Е. Пугачёв успел захватить Оренбург, Казань, Саранск.

Восстание было подавлено после неудачного штурма Царицына, армию Е. Пугачёва разбили, а его взяли в плен, после чего доставили в Москву, вынесли приговор и четвертовали на Болотной площади. Екатерина II пошла на уступки и внесла на рассмотрение реформы, которые облегчали бы жизнь крестьян и рабочих. Так закончилось одно из самых масштабных восстаний России [1].

Народ русский уважал и любил Емельяна Пугачёва, что отразилось в легендах, песнях и преданиях. О восстании сохранилось много исторических свидетельств и документов. Написано много научных, научно-популярных и художественных книг.

В творчестве А. С. Пушкина историческая тема занимает особое место. История как наука и история как искусство были в определенной степени близки ему. «Пугачевская тема» появляется в творчестве А. С. Пушкина в начале 1833 года. В письме к А. Х. Бенкендорфу — первому шефу жандармов и одновременно начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии — А. С. Пушкин пишет: «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачёва, но нашёл множество материалов, я оставил вымысел и написал Историю Пугачёвщины» [3]. Считается, что этот исторический труд о событиях крестьянской войны 1773–1775 годов является новой вехой в творчестве А. С. Пушкина.

С опорой на устное творчество казачества Приуралья и Поволжья, а также на архивные записи с подробностями восстания, Александр Сергеевич Пушкин напишет

два произведения на эту тематику — повесть «Капитанская дочка» и монографию «История Пугачёва», где в первом произведении Пушкин припишет главному герою повести Петру Гринёву фразу — «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный» [3].

Цель данной статьи — создать цитатный образ Емельяна Пугачёва по повести «Капитанская дочка» и по монографии «История Пугачёва» А. С. Пушкина.

В виду того, что современным молодым читателям зачастую неизвестна монография великого поэта, кратко рассмотрим ее с точки зрения содержания.

Прежде чем приступить к работе над «Историей Пугачёва», А. С. Пушкин сначала работает с документами, хранившимися в государственном архиве. «Фонды, отдельные дела и коллекции документов о Пугачёвском движении, которые были в руках в 1833–1834 гг.: „пугачевские“ книги Секретной экспедиции Военной коллегии, „пугачевские“ бумаги фамильного архива Галаховых, а также дела архива Оренбургской губернской канцелярии (архив канцелярии губернатора И. А. Рейнсдорпа), с которыми А. С. Пушкин имел возможность ознакомиться при посещении в сентябре 1833 г.», — пишет исследователь этой темы Р. Ф. Овчинников [4].

Впоследствии поэт восстановит истинный масштаб событий крестьянской войны в своем первом документальном произведении. В предисловии А. С. Пушкин запишет, что эти исторические страницы, на которых встречаются имена Екатерины II, Румянцева, Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина, он завещает потомству [4].

Монография состоит из двух частей: в первой описывается вся история Пугачёвского бунта в 8 главах, а во второй приведены исторические документы.

В первой главе рассказывается история появления яицких казаков на Урале (река Урал раньше называлась Яик), как донские казаки пришли в эти земли, как Пётр I отдал их, против их воли, под управление Военной коллегии, и как это недовольство вылилось в бунты при Екатерине II, которые активно подавлялись. После подавления бунтов казаки затаились в ожидании возможности для нового бунта.

Вторая глава повествует уже о Емельяне Пугачёве, как он стал предводителем бунта и выдал себя за Петра III. Глава заканчивается тем, что Пугачёв со своим войском выдвинулся к городу Оренбургу — главному центру огромного края Российской империи.

Третья глава начинается с осады Оренбурга мятежниками. Руководство Оренбурга отправляет на переговоры с Пугачёвым беглого каторжника Хлопушу, который перешёл на сторону мятежников. «Императрица с беспокойством обратила внимание на возникающее бедствие» и направила генерала Библикова с целью подавить бунт.

В четвертой главе Пугачёв отправил своего подельника, атамана Хлопушу с целью захватить крепости Ильинскую и Верхне-Озерскую. Хлопуша потерпел неудачу, поэтому Пугачёв отправился к нему на помощь. Вместе они захватили крепости и перебили всех офицеров. Между тем, семью Пугачёва высылают в Казань, а его дома сжигают по приказу императрицы.

Пятая глава посвящена борьбе главнокомандующего войсками А. И. Библикова с мятежниками. Описывается безвыходная ситуация, Пугачёв теряет города Заинск и Самару.

В битве у Татищевой крепости соединённые корпуса под командованием князя П. М. Голицына наносят тяжёлое поражение армии восставших. Хлопушу убивают, а главных зачинщиков бунта берут в плен. Однако, Библиков не успевает закончить начатое, он умирает от болезни.

В шестой главе рассказывается о том, как Пугачёв избегал преследования, отбивался от атак И. И. Михельсона — генерала от кавалерии, известного своей окончательной победой над Пугачёвым.

Седьмая глава начинается с взятия восставшими Казани, после чего к мятежникам присоединяется большая часть пленных, присягая «царю» Петру Федоровичу. Но в скором времени Михельсон освобождает город, поражаясь увиденной разрухе.

В заключительной восьмой главе, повествуется о том, как Емельян Пугачёв после сдачи Казани скрывался в лесах и потом направился к Волге. Там его перехватил Михельсон и доставил под конвоем в Москву, где его приговорили к смертной казни через четвертование. Так закончился Пугачёвский бунт. Екатерина II переименовала Яик в Урал и запретила говорить об этом страшном восстании.

При чтении монографии, мы обратили внимание на то, что А. С. Пушкин не дал полной портретной и речевой характеристики Е. Пугачёва. Первые краткие сведения о внешнем облике Е. Пугачёва можно встретить во второй главе «История Пугачёва», в которой показан будущий вождь крестьянского восстания после его бегства из казанской тюрьмы: «незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худошав. Черная борода его начинала седеть. Он был в верблюжьем армяке, в голубой калмыцкой шапке и вооружен винтовою» (IX, кн. I, 15). В главе четвертой А. С. Пушкин дополняет портрет Е. Пугачёва некоторыми, деталями: «Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худошав; волосы имел тёмно-русые, бороду черную, небольшую и клином» (IX, кн. I, 41).

Обратимся к повести «Капитанская дочка», которую А. С. Пушкин написал через несколько лет, после выхода в печать своего исторического труда, и которая впервые была опубликована в 1836 году в журнале «Современник».

Известно, что в современной науке принято считать, что образ Е. Пугачёва, созданный в повести, реалистичен, что он много более полон и жизнеподобен, чем в монографии «История Пугачёва». Исследователи обращают внимание на то, что стратегия поэтизации образа Е. Пугачёва обеспечивается мощной стихией устного народного поэтического творчества: «Пугачёв оттого и находится в центре внимания А. С. Пушкина, что в нем — выразителе надежд и чаяний народа ярко проявляется национальный характер» [3, с. 61].

В повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкин с большим мастерством разворачивает тему Е. Пугачёва. Конечно, сама повесть как художественное произведение отличается глубоким философско-историческим и нравственным содержанием. А. С. Пушкин рисует яркую картину стихийного крестьянского восстания, показывает его на широком национальном и социальном фоне, в центре которого колоритная фигура предводителя восстания.

В этом произведении А. С. Пушкин также поднимает целый ряд важных проблем, таких как: власть, нравственный выбор, место человека в истории, вопросы воспитания. Действие повести осуществляется на фоне любовной тематики. Главный герой Гринёв ради любимой девушки Марии Мироновой готов совершить любой подвиг. Однако судьбу главных героев определяет уже не любовь, а гораздо более страшная сила «пугачевщина».

Повесть написана в форме мемуаров, где переплетаются исторические и семейные хроники, что, соответственно, придает ей дополнительное очарование, а также заставляет читателя поверить в реальность всего происходящего.

Пугачёвский бунт — самый страшный бунт в истории русского народа и сам Емельян Пугачёв представлен глазами многих героев произведения. Такой подход к созданию образа предводителя восстания дает возможность показать его противоречивой, сложной личностью. Например, в повествовательной структуре

художественного текста «Капитанской дочки» главная роль принадлежит рассказу Гринёва — очевидцу крестьянского восстания. Гринёв как отпрыск дворянского рода с честью несет на своих плечах нравственные постулаты отца и деда и с ужасом воспринимает идеи Пугачёва, выдающего себя за царя Петра III. Другой персонаж — русский офицер, комендант Белогорской крепости капитан Миронов признает военное преимущество Пугачёва, хотя и отказывается признать его государем.

Мы рассмотрели образ Пугачёва в произведениях «Капитанская дочка» и «История Пугачёва», подобрали различные цитаты, характеризующие его с разных точек зрения по следующим параметрам: внешность, характер и отношение восставших. Для наглядности отобранный материал представлен в таблице.

Таблица — Цитатный образ Емельяна Пугачёва в произведениях А. С. Пушкина

Параметры сравнения	«История Пугачёва» цитаты	«Капитанская дочка» цитаты	Характеристика образа Пугачёва
Внешность	*** «Сей бродяга был Емельян Пугачёв, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе среди тамошних раскольников» [2; с.18]	*** «Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч» [2; с.299] *** «...Пугачев устремил на меня огненные свои глаза...» (глава XII) *** «Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское . Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары» [2; с.299] *** « Черты лица его, правильные и довольно приятные, не выражали ничего свирепого » [8; с.348]	Бродяга, обманщик, довольно приятная внешность, яростный, плут, аккуратный, не свирепый
	***	***	

<p>Характер</p>	<p>«Пугачёв не был самовластен» [3; с.35] *** «Нередко сам Пугачёв являлся тут же, хвастая молодечеством. Однажды прискакал он, пьяный, потеряв шапку и шатаясь на седле, — и едва не попался в плен» [3; с.35]</p>	<p>«Сметливость его и тонкость чутья меня изумили» [2; с.297] *** «Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!...» (Савельич о Пугачеве, глава II) *** «Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачёв, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, произведя везде грабежи и смертные убийства» [6; с.328] *** «Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья». (Пугачёв о себе, глава XI) *** «Я проучу Швабрина, —</p>	<p>Властный, хвастливый, любитель выпить, сметливый, с тонким чутьём, дерзкий, безжалостный, грабитель, убийца, злодей, благодарный, не бездумный кровопийца, грозный и справедливый, помнящий добро человечный, презирающий предателей</p>
-----------------	--	--	---

		<p>сказал грозно Пугачев. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу». (Пугачёв о себе, глава XI)</p> <p>«... детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоянным дворам, осаждал крепости и потрясал государством» [8; с.346]</p>	
<p>Отношение восставших к Е. Пугачёву</p>	<p>***</p> <p>«Для сего нужен был только прошец, дерзкий и решительный, еще неизвестный народу. Выбор их пал на Пугачёва» [2; с.20]</p> <p>***</p> <p>«Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачёв содержался в тюрьме не строже прочих невольников» [2; с.18]</p> <p>***</p> <p>«Его сообщники, с одной стороны видя неминуемую</p>	<p>***</p> <p>«Изменники кричали: “Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!..”» (Г лава VII)</p> <p>***</p> <p>«Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать» (глава XI)</p> <p>***</p> <p>«Нечего сказать: все приёмы такие важные...» (казак о Пугачеве, глава VIII)</p>	<p>Дерзкий,</p> <p>решительный,</p> <p>Государь,</p> <p>торопливый в решениях,</p> <p>Важный в действиях,</p> <p>преступник</p>

	гибель, а с другой — надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству» [8; с.97]		
--	--	--	--

Как видим из материалов таблицы, А. С. Пушкин описывает Пугачёва как дерзкого, решительного бродягу с добрым сердцем, который обладает противоречивым характером, сочетает в себе аккуратность и торопливость, человечность и ненависть к предателям, суровость и хвастливость. Русскому народу всегда нравились подобные исторические лица, именно поэтому Пугачёв остается в массовом сознании людей.

Отметим, что в исторической монографии А. С. Пушкин в отдельных этюдах создает подлинный образ вождя крестьянского восстания. Но в повести «Капитанская дочка» им этот образ преподносится мастерски художественно, это уже литературный герой произведения. Читатель смотрит на Пугачёва глазами разных героев, что дает возможность увидеть человека со всеми его страстями, пороками и достоинствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rvb.ru/pushkin/01text/03fables/01fables/0800.htm>.
2. Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина / Г. П. Макогоненко. — Ленинград: Художественная литература, 1977. — 112 с.
3. Литература. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://niv.ru/doc/uchebnik/literatura-8-klass-1/istoriya-pugachevskogo-bunta.htm>.
4. Овчинников Р. Ф. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. — М.: Наука, 1985. — 160 с.

Поступила в редакцию 25.04.2023 г.

S. D. Novikov

THE IMAGE OF PUGACHEV IN THE WORKS OF A. S. PUSHKIN

This article examines the image of Emelyan Pugachev of two works by A.S. Pushkin of the historical monograph "The History of Pugachev" and the story "The Captain's Daughter".

Keywords: *Pugachev's revolt, historical theme, the image of E. Pugachev.*

Новиков Сергей Дмитриевич.

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва, г. Красноярск, РФ.

Студент.

E-mail: novik4ok@vk.com

Novikov Sergej Dmitrievich.

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, RF.

Student.

E-mail: novik4ok@vk.com

Герасимова Татьяна Юрьевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва, г. Красноярск, РФ.

Доцент кафедры общественных связей.

E-mail: novik4ok@vk.com

Gerasimova Tat'jana Jur'evna.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, RF.

Associate Professor of Public Relations Department.

E-mail: novik4ok@vk.com

УДК 811.161.1'37:82.161.1-3-2 Гоголь

*Д. А. Калмыкова**Донецкий государственный университет**(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)*

СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЗАСТОЛЬЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

В статье рассматривается исторический обзор традиций застолий в художественных произведениях Н. В. Гоголя. Работа имеет практическую направленность, материалы исследования можно использовать на уроках литературы при изучении следующих художественных произведений: Н. В. Гоголя, а материалы исследования расширяют знания о блюдах русской национальной кухни и зарождении традиций русского застолья. На материале национальных традиций трапезы, описывается модель лексико-семантического поля «застолье», выявляется ключевой момент в проведении застолья на материалах х произведений Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: лексика, тематическая группа, тематика, лексико-семантическое поле, наименования еды и напитков, выразительность.

В современной лингвистике значительное внимание уделяется возможности интерпретировать язык с точки зрения взаимосвязи формы и понятия как вариант проявления жизнедеятельности человека, через объяснение его историко-культурной принадлежности. Лингвокультурология описывает взаимоотношения языка и культуры, языка и нации, языка и ментальности его носителей. Такое сочетание проявления взаимосвязи возможно благодаря постижению языковой личности и всех ее структур. Данная статья посвящена изучению понятия структуры лексико-семантического поля «застолье» в произведениях Н. В. Гоголя, как проявлению концепта, который выполняет функцию основополагающего стержня лингвокультурологии. Тема трапезы и застолья нашла широкое отражение в русской литературе. В ходе данного исследования предпринята попытка изучения лексико-семантического поля «застолье» и на основе этого анализа составлен культурный портрет произведений Н. В. Гоголя, что позволит объяснять их историко-культурную ментальность.

В лингвистике понятие «лексико-семантического поля» вырабатывается в результате интерпретации текста, когда по общей идее текста создаются тематические структуры. При этом, процессы мышления опираются на многочисленные структуры, которые находятся в памяти человека, благодаря которым возможна когнитивная обработка информации. Информация, заложенная в структуре лексико-семантического поля, является когнитивной моделью, с помощью которой человек способен идентифицировать ситуацию при помощи различных образов [7, с. 43]. Трактование данного понятия В. М. Якушевой предполагает «застолье как происходящие за столом празднование, сопровождающееся разговорами, тостами, песнями» [6, с. 8].

Определим понятийную составляющую слова «застолье». С. А. Кириленко в своей статье «Наслаждение вкусом» дает следующую трактовку определения слова «застолье» — национальная культура трапезничества и времяпрепровождения за столом [3, с. 93]. Как отмечает А. В. Павловская, «так повелось в русской литературе, что культура застолья — приема гостей, предполагает какое-либо торжество, совместное времяпровождение за столом, сервированным, благоухающим всевозможными блюдами, который сближает людей, располагает к душевной беседе» [5, с. 28].

В ходе исследования была проанализирована структура лексико-семантического поля «застолье» на материале произведений Н. В. Гоголя. В ходе исследования установлено, что автор с трепетом и уважением описывает культуру трапезы и застолья

на страницах своих произведений, таких как: «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством», «Тарас Бульба», «Вий», «Мертвые души», «Ревизор» и многих других. Собранный языковой материал показал, что в произведениях автора особое место занимает этап — «ритуал» или «традиция застолья». Исследователи творчества Н. В. Гоголя отмечают, что автор мечтал написать произведение, в «котором бы явилась вся Русь». Такое грандиозное описание быта и нравов России первой трети XIX века, которым, например, позднее стала поэма «Мертвые души», написанная в 1842 году. Герои его произведения раскрывают свои кулинарные пристрастия, а упоминания различных блюд русской национальной кухни часто встречаются на страницах художественного произведения. В поэме «Мертвые души» присутствуют пространные описания застолий, диалоги об истории того или иного блюда, споры о вкусовых преимуществах разных блюд, а само описание еды настолько рельефно и детализировано, что не просто служит дополнительной характеристикой персонажа, а создает если не само действие, то его основу [6, с. 7].

Далее, приведем описание кулебяки, которую заказал Петр Петрович Петух, персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: *«Да кулебяку сделай на четыре угла; в один угол положи ты мне щеки осетра да вязигу, в другой запусти гречневой каши, да грибочков с луком, да молок сладких, да мозгов, да еще знаешь там этакое... Да чтоб с одного боку она, понимаешь, зарумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподку-то, понимаешь, пропеки ее так, чтобы рассыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, соком, чтобы не услышал ее во рту — как снег растаяла»* [1]. Как видно из отрывка, Н. В. Гоголь здесь абсолютно точен и выразителен в описании такого блюда, как кулебяки. Особой точности автор добивался путем приведения рецепта приготовления блюда: *«Фарш в нее клали разный, располагали его клиньями, разделяя каждый вид блинчиками „на четыре угла“.* Особое искусство было в том, чтобы с таким сложным фаршем кулебяка хорошо пропеклась» [1].

Лексика с общей характеристикой «застолье» не является фоном в произведениях Н. В. Гоголя, она призвана натолкнуть читателя на размышления социального, нравственного и политического порядка. Такого рода лексика взята автором осознанно с целью достижения эффекта «аккуратного ненавязчивого выбора пути» для того, чтобы думающий читатель увидел точку зрения автора за, казалось бы нейтральными, бытовыми лексическими единицами, служащими «эстетическим фоном изложения» [5, с. 16] Следует отметить, что предметная детализация семантического поля «еда / напитки», как составляющая традиций застолья, в произведениях автора, занимает значительное место, преображая и скрашивая сюжет. Она сводится не только к подробному описанию местности, быта народа, но и к развернутому описанию национальной культуры застолий и кулинарных реалий. Так, например, в произведениях Н. В. Гоголя питание народа различалось в зависимости от принадлежности к его сословию. Питание высшего сословия было близко по своему составу к европейской кухне: *«в изобилии и роскошном избытке текли вина <...> лучшие и дорогие блюда были <...> снedyю», «пирожные плоды были на столах ясновельможих панов»* [1]. Совсем другим было питание простого народа *«раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулеши»* [1], не могли приготовить, то *«отвязывали баклажки или тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи»* [1]. Обязательным было употребление горелки, меда и т. д. Н. В. Гоголь объяснял это так: *«ни сильно само по себе старое вино и как не способно оно укрепить дух человека, но если к нему присоединится к нему еще приличное слово, то вдовое крепче будет сила и вина и духа»* [1]. Самым недостаточным было питание бурсаков (учеников академии). Им постоянно не хватало выданной пищи, поэтому они носили шаровары с огромными карманами, в которых

помещалось все, что они могли умыкнуть с возов или на базаре (повесть «Вий»). Будничное питание простого народа (крестьян) не отличалось разнообразием. Они ели «борщ или галушки», в праздники позволяли себе «колбасы домашнего приготовления и различное печение» или использовали определенные блюда: «краюх хлеба, пирогов, книшей и прочего дрязгу» [1].

Знание и понимание национальной кухни может приблизить нас к пониманию народа в целом, т. е. является неотъемлемой частью межкультурной коммуникации. Остается загадкой, почему люди, отдельные регионы остаются верными особым блюдам и способам их приготовления, так как эти привычки передаются из поколения в поколение, создавая определенный пласт традиций национального застолья [4, с. 11].

В произведениях Н. В. Гоголя с «тщательными подробностями» раскрывается древняя традиция застолья как своего рода братства, предложения дружбы и помощи. Так как, по русской традиции приняв угощение, то есть проявив доверие и уважение к хозяину дома, гость будет принят и ему окажут помощь. Однако, автор тут же в своих произведениях показывает, как наряду с сохранением возвышенной традиции осмысления трапезы произошла и деградация образа застолья. Примером деградации значения застолья как предложения дружбы или мирного отдыха, может служить искаженное понимание русского хлебосольства — всевозможные излишества [3, с. 93].

Также, в творчестве Н. В. Гоголя отражено, как сохранялись сильные классовые и социальные различия в питании населения, которые зафиксированы в меню разных сословий: дворян, духовенства, купечества, крестьянства и рабочих. Меню дворянства отличалось излишеством и смешением блюд русской кухни с блюдами иностранной французской в первую очередь, а также немецкой, английской, голландской кухни и др. Меню простых людей, отличается значительной простотой и отсутствием излишеств.

В процессе анализа установлено, что гастрономическая лексика автором используется в составе различных художественных средств с целью достижения более глубокой достоверности и дополнительной образности при характеристике персонажей, а также для достижения комического эффекта, создания атмосферы национального русского быта.

Мельчайшие подробности внешнего вида и запаха блюда, его составляющих, различные сравнения касающихся состояния данного изделия или приведение каких-либо фактов из национальной культуры потребления пищи, помогают автору создать свою неповторимую колоритную манеру.

Используемые автором номинации еды и напитков несут в себе функции:

1. Описание еды и напитков как универсальная составляющая национальной культуры.
2. Описание еды и напитков как неординарный прием для создания живости и правдоподобности сюжета.
3. Описание еды, напитков, процесса приготовления, процесса поглощения как показатель социально-классового неравенства.
4. Процесс поглощения еды и напитков как показатель сказочности сюжета.
5. Описание еды, напитков, процесса приготовления, процесса поглощения как неординарный прием для создания или усиления комического эффекта.
6. Наименования еды, напитков, процесса приготовления, процесса поглощения служат украшением текста.

Таким образом, предметная детализация текста занимает в творчестве автора достаточно важное место, скрашивая сюжет. Она сводится не только к подробному и пышному, развернутому описанию кулинарных реалий, но и попытке автора тонко и иронично передать детали быта героев произведения, местности, дома помещика и т. д.

При анализе терминов по способу номинации, стоит отметить, что наибольшей насыщенности и достоверности при передаче вкусовых ощущений, автор добивается средствами метафорического переноса значения, так как чаще всего гастрономические термины представляют собой результат именно метафоризации и аналогий. Подобной правдоподобности и насыщенности при описании гастрономической лексики, автор добивается благодаря глубоким познаниям в гастрономических вопросах, благодаря познаниям народных традиций и предпочтений, а также почтительному отношению автора к народу и его истории развития.

Таким образом, лексика с семантикой «еда/напитки» не является фоновой в цикле произведений из «Вечера на хуторе близ Диканьки», она используется автором, чтобы натолкнуть читателя на размышления социально-нравственного порядка, она выбрана осознанно с целью достижения нужного эффекта и выражения мнения автора. За бытовыми лексическими единицами с семантикой «еда, напитки» автор скрывает собственную иронию и сарказм. Поэтому можем заключить, что образное использование гастрономической лексики автор делает с целью погрузить нас в определенную эпоху, знакомит нас с героями, культурными реалиями народа.

Принадлежность к национальной культуре определяется наименованиями кулинарных блюд, использованных в художественных текстах, которые являются истинными хранителями культуры и отражают исторический, материальный и духовный опыт, накопленный обществом. Именно в них зафиксированы ценности, которые стали приоритетными для данной культуры. При этом следует отметить что, перечень блюд гоголевской старинной кухни очень широк и разнообразен. Характер их во многом определяли особенности русской печи: жарение крупными кусками и целыми тушками, запекание... Целиком жарили поросят, крупными кусками — баранину и свинину и лишь изредка говядину, тушками — домашнюю птицу и дичь. Приверженность к мясу, жаренному крупными кусками, сохранилась у русских людей с глубокой древности. Популярны были жареные мясные блюда: бараньи грудинка и лопатки, начиненные гречневой кашей с рублеными яйцами, утки и гуси с яблоками, куры, фаршированные рисом с изюмом или черносливом, фаршированные свиные ножки и т. д.). В качестве примера, рассмотрим, чем угощала Коробочка Чичикова: *«Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было. Коробочка — гостеприимная, хлебосольная хозяйка, но угощает Чичикова исключительно мучными блюдами. Это и понятно: мясо дорого, бить скотину она не станет»* [1].

Гастрономические вкусы и наклонности гоголевских помещиков являются важной характеристикой, средством раскрытия характеров, одним из способов авторской оценки и «инструментом» символизации их образов. Но изображение обильной трапезы не сводится лишь к иронической трактовке и к изображению греха чревоугодия, ведь сытный и даже чрезмерный обед — это проявление симпатии Н. В. Гоголя к самой традиции русского хлебосольства, которым всегда славилась Русь. Для героев гоголевских произведений «забота о пище» являлась священнодействием. Они относились к обеду серьезно и возвышенно, а пиршество, состоящее из многочисленных блюд — это «священный ритуал» [5, с. 39].

В поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» отношение к еде и застолью выступает в качестве характеристики помещиков. За процессом трапезы и в момент застолья, проявляются некоторые яркие особенности их характеров, а также в процессе совместной трапезы герои пытаются найти подход к своим собеседникам и

оппонентам. Это именно те узы, связывающие хозяина и гостя в культуре русского народа, которые описываются во множестве произведений русских авторов.

Итак, в литературе мы найдем различные образы пира — от возвышенного образа приобщения к застолью богов до предательского отравления сотрапезника. Несомненно, одно — описание пиршества, застолья и связанных с ним событий играет большую роль во многих произведениях и основано на богатой традиции, складывавшейся на протяжении не одного столетия. В таком подробном описании еды мало кто может сравниться с Н. В. Гоголем, у которого целый ряд произведений подробно описывает блюда и порядок их подачи [2, с. 44]. Связь блюд с ценностью культуры русского гостеприимства, автор подает через символику традиции, так как во время застолья важную роль играет также количество блюд, которое обязательно должно быть достаточным, чтобы гость мог наесться. Значимым элементом застольной традиции, является также выражение оценочного отношения к сотрапезнику. В русской лингвокультуре оно носит символический характер и так же, как и ценностные доминанты застолья, реализуется в разнообразии и количестве поданных блюд.

Таким образом, Н. В. Гоголь открывает читателю жизнь обыденную, каждодневную, знакомую всем череду рутинных бытовых дел, проходящую мимо сознания большинства, но составляющих основу быта целого народа. Уровень системного потенциала данного лексико-семантического поля в структуре произведений Н. В. Гоголя, формируется синонимическим рядом, доминантой которого является лексема «застолье». В этот тематический ряд входят следующие единицы: *банкет, фуршет, пир, пирушка, пьянка, попойка, трапеза, братчина, поминки*. Это делается автором для того, чтобы постоянно изучая и анализируя информацию, читатель сравнивал и обобщал ее.

Так в сознании читателя рождается некая инвариантная характеристика культуры общества. Сам автор описывает в своих произведениях насмешливое отношение к обывателям, для которых еда была одним из образов жизни. Отпечаток такого застольно-бытийного мироощущения распространяется на весь повседневный уклад жизни в художественном произведении «Ревизор», когда вся жизнь помещиков представляется автором как череда сменяющих друг друга праздников. В произведении мастерски описана автором полнота желаний и наслаждения бытием, как каждодневная рутина. Таким образом, автор показал, как из традиции «праздничного застолья» (где совместная еда не бытовая подробность, а символ единения), ритуал превращается в «праздное действие — череду сменяющихся трапез по поводу и без повода. Так автор в ироничной форме, но достаточно интеллигентно осмеивал человеческие пороки и недостатки. Следовательно, в художественных произведениях Н. В. Гоголя отражается быт, история и духовная культура народа, так как гостеприимный и открытый, русский человек умел повеселиться, умел выразить свою приязнь к гостю тем, что вкладывал душу в то, что подавал на стол, а художественные произведения автора, в этой части традиций, являются своеобразными учебниками истории всего русского народа. В описаниях застолья Н. В. Гоголь буквально захватывает воображение подробным описанием различных яств, создавая у читателя образ их яркой картинки, тем самым добиваясь наиболее полного восприятия текста.

Проведенное в данной статье исследование дает представление о вычленении лексико-семантического поля «застолье» в произведениях Н. В. Гоголя. Перспективным представляется дальнейшее исследование данного пласта лексики со значением «традиции застолья», основанное на анализе закономерностей связей в структуре лексико-семантического поля. На этом основании можно сделать следующий вывод: писатель хорошо был знаком с питанием каждого сословия того времени, со знанием дела писал о приготавливаемых блюдах, что привело к огромному многообразию

употребляемой автором лексики. Подробное изображение блюд национальной кухни свидетельствует о том, что автор соблюдает народные традиции. Лексическими средствами, которыми автор репрезентует описание блюда и процесса его поглощения, свидетельствует об уникальной авторской манере освещения национальной культуры приготовления и потребления пищи. Таким образом, лексико-семантическое поле «застолье» представляют собой достаточно разнообразный и обширный пласт лексики и способствует составлению представлений о культуре и нравах жителей определённой местности в определенное время жизни и творчества Н. В. Гоголя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Ревизор. И другие повести. Избранное / Н. В. Гоголь. — Харьков, 2010. — 397 с.
2. Демчук И. Ф. Концепт еды в рассказе Владимира Сорокина «Настя» / И. Ф. Демчук. — Тернополь: ТНПУ им. В. Гнатюка, 2018. — 85 с.
3. Кириленко С. А. Наслаждение вкусом / С. А. Кириленко // *Studia culturae*. Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 93–106.
4. Марушкина Н. С. Концепт «еда» в контексте диалога культур: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Марушкина Надежда Сергеевна. — Иваново, 2014. — 25 с.
5. Павловская А. В. Съедобная история моей семьи. — Москва: Слово, 2013. — 550 с.
6. Яковлева Е. Л. Многоаспектность гастрономических повседневных практик: лингвокультурологический код / Е. Л. Яковлева // *Лингвокультурология*. — 2018. — № 1(19). — С. 7–16.
7. Якушева В. М. Концепт «еда / напитки» как фрагмент языковой картины мира в произведениях русских писателей 19 в. / В. М. Якушева // — Санкт-Петербург: СПбГУ, Филологический факультет, 2019. — 86 с.

Поступила в редакцию 08.05.2023 г.

D. A. Kalmykova

THE STRUCTURE OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD "FEAST" IN THE WORKS OF N. V. GOGOL

The article considers a historical overview of the traditions of feasts in the works of N.V. Gogol. Russian cuisine the work has a practical orientation, the research materials can be used in literature lessons when studying the following works of art: N.V. Gogol, and the research materials expand knowledge about the dishes of Russian national cuisine and the origin of the traditions of the Russian feast. Based on the material of national traditions of the meal, the model of the lexico-semantic field "feast" is described, the key moment in holding a feast is revealed on the materials of the works of N.V. Gogol.

Key words: *vocabulary, thematic group, subject matter, lexico-semantic field, names of food and drinks, expressiveness.*

Калмыкова Дарья Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

Kalmykova Dar'ja Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Postgraduate.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Head of the Russian Language Department.
E-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 821.161.1

Д. В. Харьянова
Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва
(Научн. рук. — канд. пед. наук, доцент Т. Ю. Герасимова)

СРАВНЕНИЕ СЮЖЕТОВ «СКАЗКИ О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ» А. С. ПУШКИНА И «БЕЛОСНЕЖКИ» БРАТЬЕВ ГРИММ

В статье сравниваются две литературные сказки различных культур «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина и «Белоснежка» братьев Гримм. Уделено внимание сюжету обеих сказок. Отмечаются различия народной и литературной сказки.

Ключевые слова: сказка, литературная сказка, Пушкин, сюжет.

Сказки всегда привлекали к себе внимание и волновали аудиторию всех возрастов. Согласно литературоведческому словарю Л. И. Тимофеева, сказка — один из основных жанров народного устно-поэтического творчества, который преимущественно фантастического, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел [10, с. 356]. Сказка возникла в доисторические времена и играет большую роль в устном творчестве всех народов на различных этапах его развития, меняясь, в зависимости от того, как видоизменялась действительность вокруг людей. Нередко встречаются одинаковые образы и сюжеты сказок у разных народов мира, объясняющиеся сходными историческими событиями, но при этом каждая продолжала нести в себе свой культурный код.

Сказки бывают не только народными, но и литературными. Многие исследователи (Т. В. Доброницкая, Н. М. Ладисова, Т. В. Дьякова, Е. У. Харриес) описывают отличие народных сказок от литературных, что можно свести к следующему.

Прежде всего, авторская сказка — результат литературного творчества одного человека, который создает неповторимое художественное произведение. Н. Будур определяет «осознанное авторство» как главное отличие литературной сказки [3, с. 301]. Народные сказки всегда вариативны, так как любой сказитель может внести свои изменения.

Еще одно отличие народной сказки от авторской заключается в том, что в народной сказке все элементы сюжета четкие: зачин, завязка, кульминация, развязка, концовка. В литературной сказке не наблюдается такого устойчивого строения, она может быть написана в форме сказочной повести, сказочного рассказа, сказки в стихах.

Кроме этого, сюжет литературной сказки не ограничен набором каких-либо мотивов, в отличие от фольклорной сказки.

Наконец, поэтика народной сказки традиционна, в ней используется ограниченный набор изобразительно-выразительных средств. Кроме того, в фольклорных произведениях часто встречаются устаревшие слова и выражения. В литературной сказке поэтика определяется творческой манерой автора. Е. В. Намычкина отмечает большую эмоциональность, живость языка литературной сказки [6, с. 103].

В рамках данной статьи мы будем рассматривать литературные сказки, где авторы стремятся научить читателя извлекать скрытый смысл, выявлять определенный урок для себя, определяя, что правильно и что неправильно. Лучше всего цель литературной сказки объясняется в строчках А. С. Пушкина «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Обратимся к литературным сказкам, а именно: к

«Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина и к сказке Братьев Гримм «Белоснежка».

Существует несколько версий, касающихся источника этого произведения. По одной из них — в основу положена русская сказка «Волшебное зеркальце» (или «Мертвая царевна»), записанная в селе Михайловском со слов Арины Родионовны — няни великого русского поэта [5]. По другой — ее сюжет заимствован у братьев Гримм в сказке "Schneewittchen" или более привычное «Белоснежка». Правдоподобность последней версии помимо множественных совпадений в сюжете, придает тот факт, что сказка «Белоснежка» была опубликована раньше, в 1812 году, а «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» в 1833 году, и поэтому, можно предположить, что автору она была известна.

Фольклорист и литературовед М. К. Азадовский писал, что, несмотря на то, что А. С. Пушкин не знал немецкого языка, у него могло быть много путей знакомства со знаменитым произведением. Прежде всего, с этим сборником он мог познакомиться в своем дружеском литературном кругу. Немецким языком прекрасно владели его ближайшие друзья: А. Н. Вульф, В. А. Жуковский, которые были в значительной мере посредниками между ним и немецкой литературой. В. А. Жуковский превосходно знал гриммовский сборник и даже был одним из его первых переводчиков в России.

Позже А. С. Пушкин уже получил и личную возможность ознакомиться с этой книгой. В библиотеке А. С. Пушкина имеется книга "Les vieux contes. Pour Tamusement de grands et petiis enfans (s.)". Данная книга — не что иное, как французский перевод сказок Гриммов, вышедший в 1830 г. Сборник этот не полон — в нем всего тридцать пять сказок, но, что чрезвычайно важно, что «Белоснежка» там присутствовала [1, с. 65].

Не смотря на все эти факты, ученые и литературоведы до сих пор не пришли к единому мнению по поводу того, каков источник пушкинской сказки.

Цель данной статьи — сравнить сюжеты «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина и сказки братьев Гримм «Белоснежка» и выявить, в чем их сходство и в чем различие.

Сюжет — это система событий, составляющая содержание действия литературного произведения, шире — история характера. Иногда сюжет трактуется как основная схема событий, в отличие от их конкретного развития — фабулы, иногда — как их последовательное развитие [13, с. 164]. Большое распространение получило понимание сюжета как отобранное в процессе изучения жизни, осознанное и воплощенное в художественном произведении событие (или систему событий), в котором раскрываются конфликт и характеры в определенных условиях социальной среды.

Изучив сюжеты обеих сказок, мы обратили внимание на некоторые похожие детали, такие как: начало сказок, повторная женитьба царей, внешний вид главных героинь, наличие волшебного говорящего зеркальца, месть мачехи, привлечение слуги к изведению падчерицы.

Экспозиция обеих сказок начинается со смерти матерей главных героинь: царевны из сказки А. С. Пушкина и Белоснежки из сказки братьев Гримм. Экспозиция — составная часть сюжета, логически предшествующая завязке, намечающая исходную ситуацию [2]. Важной деталью в сказках является то, что матери во время беременности «взаимодействовали со снегом», который позже волшебным образом отразился на внешности дочерей.

В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина действия во время беременности царицы описываются так:

Снег валится на поля,

Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Злая царица со злобой замечает:
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!

В сказке братьев Гримм «Белоснежка» мать — царица — во время беременности тоже смотрела на падающий снег, из-за чего случайно уколола до крови палец и, глядя на алую кровь на белом снегу, подумала о рождении дочки, которая будет *«такая белая как этот снег, такая румяная как эта кровь, и такая черноволосая как это окно из черного дерева»*.

О внешнем облике обеих главных героинь мы узнаем от волшебного зеркала. В сказке А. С. Пушкина на вопрос злой царицы, милее ли она всех на свете, волшебное зеркальце отвечает, что:

Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее.

В сказке братьев Гримм о Белоснежке на тот же самый вопрос вторая жена царя получает идентичный ответ:

Ты прекрасна — спору нет;
Но Белоснежка всех милее,
Всех румяней и белее.

Еще одним из самых очевидных сходств сюжетной линии в обеих сказках можно отметить антагониста — красивую, но злую царицу, обладающую волшебным зеркалом.

Завязка обоих произведений держится на не выдержавшей зависти царицы из сказки А. С. Пушкина, приказывающей Чернавку известить царевну:

Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Идентично вторая жена царя из немецкой сказки от зависти приказывает ловчему убить Белоснежку в лесу: *«...вырви у нее из груди сердце и печень и принеси ко мне, чтобы знала я, наверное, что нет ее больше на свете»*, после чего *«повару приказано было сварить это сердце с солью, и злодейка-мачеха съела его, радуясь, что съела сердце Белоснежки»*.

Далее сюжетные линии обеих сказок также повторяются. Не смотря на указ, Чернавка и ловчий не смогли убить девушек. Позднее их спасают персонажи с одинаковым числом семь, только в русской сказке было семь богатырей, а в немецкой — семь карликов. После недолгой совместной жизни злые мачехи из обеих сказок узнают о том, что живы их падчерицы и снова не совладав с завистью к красоте девушек, хотят их убить. Царевна из сказки братьев Гримм пытается три раза убить сначала посредством отравленного пояса, затем гребня, но карлики каждый раз спасают Белоснежку. Лишь на третий раз, отравленная яблоком, Белоснежка умирает. В сказке А. С. Пушкина молодая царевна также умирает от отравленного яблока, принесённого Чернавкой, но с первого раза. Волшебная смерть главных героинь в обеих

произведениях является кульминацией — момент наивысшего напряжения сюжетного действия, после которого оно движется к развязке [12].

Отличительной чертой русской сказки является собака Соколко, пытающаяся предупредить об опасности Царевну, но та его не понимает:

Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось!

По сюжету в обеих сказках «похоронили» и молодую царицу, и Белоснежку в хрустальных гробах на горе. В сказке А. С. Пушкина гроб привинтили на цепях:

Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;

В сказке братьев Гримм «карлики отнесли гроб на высокую гору, и один из них остался бессменным часовым у гроба для того, чтобы охранять тело царевны». Но воскрешение главных героинь произошло при разных обстоятельствах.

В русской сказке жених королевич Елисей искал свою возлюбленную, а помогали ему в поисках такие персонажи, как «Солнце», «Месяц» и «Ветер», являющиеся олицетворением сил природы. Пробудилась от вечного сна молодая царевна, когда Елисей нашел ее:

И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.

В сказке братьев Гримм царевич не был знаком с Белоснежкой. Он случайно нашел гроб, после чего попросил карликов подарить ему его, вместе с лежащей там девушкой. Пробуждение Белоснежки произошло благодаря стечению обстоятельств:

«Царевич в ту же минуту приказал своим верным слугам нести гроб на плечах в его дворец. Несут слуги гроб да как-то спотыкнулись о кочку, и толчок был так силен, что из горла Белоснежки выскочил кусочек яблока, напитанного ядом. И в ту же минуту она, очнувшись, открыла глаза и поднялась из гроба. Жизнь возвратилась к ней снова».

Развязкой стала смерть злобной царицы из «Сказки о мертвой царевны и о семи богатырях»:

Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала

И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.

В то время как в немецкой сказке царевич приказал слугам особенно жестоко наказывать мачеху Белоснежки: *«раскалить докрасна железные туфли, и когда они стали красные как огонь, то двое здоровенных слуг принесли их в зал и насильно надели на ноги злой мачехе, потом заставили ее плясать в горячих туфлях; она плясала, плясала до тех пор, пока упала мертвая на пол»*.

Как показало проведенное исследование, несмотря на похожие сюжетные элементы, А. С. Пушкин наделил сказку народным символизмом и волшебством, которая отличается от более «рациональной» и прагматичной в рамках сказки, немецкой версии. В немецком произведении зло наказывается не само собой, а с помощью царевича, с присущей жестокостью сказок братьев Гримм.

Находит царевич Белоснежку случайно, а пробуждается она из-за благоприятного случая в виде толчка, от которого из ее горла выскочил кусок отравленного яблока. В данной ситуации не важно, кто именно пробудил бы царицу: карлики, царевич или слуги, так как до этого два раза карлики уже спасали Белоснежку. В сказке А. С. Пушкина, наоборот, автор дает понять, что только любовь королевича Елисея могла пробудить царевну от вечного сна. Также мачеха в русской сказке, воплощающая в себе гордыню и самолюбование, не смогла снести того, что не может быть всех милее, пока царевна жива и счастлива с возлюбленным, от чего ее взяла смертная тоска. Персонаж Елисей, обращающийся за помощью к трем силам природы: солнцу, месяцу, ветру, напоминающие русские народные песенные заклинания стихийных сил и явлений природы. Заклинания или заклички — разновидность обрядового фольклора: обращения к явлениям природы, стихиям с приветствиями и призывами, имеющими заклинательное-магический смысл. Заклички сопровождалась обрядовыми действиями, в напевах ощутимы интонации зова, клича [9]:

К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?»

В русской сказке ответ Елисею дает лишь ветер, и не случайно. Появление ветра часто связывается с общеславянскими представлениями о ветре как местонахождении душ и демонов. Душа (в виде дыхания, дуновения) отождествлялась с воздухом. Сильный ветер означал чью-то насильственную смерть. Представление о ветре как об одушевленном, передвигающемся по воздуху существе выражалось и в желании человека пригласить, вызвать ветер в тех случаях, когда он необходим для хозяйственных и иных нужд распространенным способом вызвать ветер. В затишье считался свист, реже — пение [7].

Еще одна отличительная черта «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» — пес Соколко, пытающийся спасти царевну и предупредить богатырей об опасности. А. С. Пушкин не просто так берет персонажа — собаку. Она, как и волк, в народных поверьях нередко наделялась даром предвидения, становилась посредником между «тем» и «этим» светом, чувствовала опасность. Ее нельзя обмануть. И имя

А. С. Пушкин выбрал неспроста, в славянской культуре сокол — символ богатырской силы и отваги [14, с. 77]. Ведь Соколко пожертвовал собой, чтобы сберечь богатырей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на сюжетные схожести обеих сказок, Александр Сергеевич Пушкин наделил свою русским колоритом, выражающимся в использовании символов, в языке, пропитанном русскими народными выражениями и идеей победы любви над злом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина / М. К. Азадовский. // Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л.: Худож. лит., 1938. — С. 65-105.
2. Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. 1969–1978.
3. Будур Н. В. Зарубежная детская литература: учеб. пособие для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений / Н. В. Будур, Э. И. Иванова, С. А. Николаева, Т. А. Чеснокова. — М.: Изд. центр «Академия», 1998. — 301 с.
4. Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. В 4 т. Т. 1: Всенародный месяцеслов. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901-1905. — X, 620 с.
5. Назиров Р. Г. Хрустальный гроб: Фольклорно-этнографические истоки одного пушкинского мотива // Фольклор народов России. Фольклорные традиции и фольклорно-литературные связи. Межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский ун-т, 1992.
6. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр / Е. В. Намычкина // Вестник Вятского государственного университета, 2010. — С. 103–109.
7. Плотникова А. А. Словарь «Славянская мифология» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/50.htm>
8. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rvb.ru/pushkin/01text/03fables/01fables/0800.htm>.
9. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та., 2002.
10. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974. — 356 с.
11. Снегорева С. И. Произведение Братьев Гримм «Белоснежка» / Перевод С. И. Снегорева, 1870. — СПб.: Издание И. И. Глазунова, 1870, Т. I. — 297 с.
12. Современная иллюстрированная энциклопедия. / Литература и язык. Под редакцией проф. Горкина А. П. — М.: Росмэн, 2006.
13. Тимофеев Л. И., Основы теории литературы. — М., 1971.
14. Чаплыгина Ю. А. Мифологический подтекст «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина: опыт школьного анализа / Ю. А. Чаплыгина // Известия Российского ГУ им. Герцена. 2013. — 77 с.

Поступила в редакцию 13.05.2023 г.

D. V. Kharyanova

COMPARISON OF "THE TALE OF THE DEAD PRINCESS AND THE SEVEN BOGATYRS" BY A. S. PUSHKIN AND "SNOW WHITE" BY THE BROTHERS GRIMM

The article compares two literary fairy tales from different cultures, "The Tale of the Dead Princess and the Seven Bogatyr's" by A. S. Pushkin and "Snow White" by the Brothers Grimm. Attention is paid to the plot of both fairy tales. Differences in folk and literary tales are noted.

Keywords: *fairy tale, literary fairy tale, Pushkin, plot.*

Харьянова Диана Владимировна.

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва, г. Красноярск, РФ.
Студент.
E-mail: dianax03@mail.ru

Kharyanova Diana Vladimirovna.

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, RF.
Student.
E-mail: dianax03@mail.ru

Герасимова Татьяна Юрьевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Сибирский государственный университет науки и

Gerasimova Tat'jana Jur'evna.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

технологии имени академика М. Ф. Решетнёва,
г. Красноярск, РФ.
Доцент кафедры общественных связей.
E-mail: dianax03@mail.ru

Reshetnev Siberian State University of Science and
Technology, Krasnoyarsk, RF.
Associate Professor of Public Relations Department.
E-mail: dianax03@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2

А. А. Кормилаева

*Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Р. В. Разумов)*

ОБ АССОЦИАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АНТРОПОНИМОВ В ПОВЕСТИ ДИНЫ РУБИНОЙ «ДВОЙНАЯ ФАМИЛИЯ»

В работе рассматриваются поэтонимы *Георгий, Виктор, Филипп, Крюков-Воздвиженский*, функционирующие в повести Дины Рубиной «Двойная фамилия». Актуальность темы обусловлена малой изученностью современной прозы и возможностью двойного прочтения текста. В ходе исследования отмечаются основные функции имен собственных в произведении: характеризующая, символическая, стилистическая, оценочная. Автор анализирует смыслообразующий потенциал поэтонимов *Георгий, Виктор, Филипп, Крюков-Воздвиженский* для формирования художественного образа.

Ключевые слова: литературная ономастика, поэтоним, антропоним, этимология.

Литературная ономастика как особое направление исследований начала формироваться во второй половине XX века в связи с возрастающим интересом ученых к изучению функциональных возможностей и структурно-языковой специфики имен собственных. В процессе рассмотрения было установлено, что антропонимы, зоонимы, топонимы, гидронимы и другие разряды онимов являются важными элементами многих литературных произведений, поэтому лингвисты стали уделять внимание особенностям использования имен собственных в текстах различных жанров и стилей. Например, Т. А. Ерохина подчеркивает: «Только в контексте собственное имя актуализирует свои поэтические возможности и семантическую наполненность» [3, с. 120]. Так, лингвист обращает внимание на ярко выраженную коннотативную нагрузку антропонимов, связанных с содержанием произведения. Многие исследователи (О. И. Фонякова, А. В. Суперанская, С. В. Перкас, Г. Ю. Сызранова, М. И. Кузьмина и др.) указывали на существование ономастического пространства художественного текста (ОПХТ), которое представляет собой совокупность всех онимов, входящих в пределы того или иного произведения. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» указывает, что онимы могут переходить в разряд поэтических имен (поэтонимов) и выполнять «кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [4, с. 122]. Так, исследователь подчеркивает, что процесс выбора и распределения вымышленных или реально существующих имен собственных в тексте приравнивается к словотворчеству отдельного писателя. Используемые прозаиками и поэтами антропонимы и топонимы могут являться средством раскрытия авторского замысла. В процессе развития сюжета произведений ассоциативно-семантическое поле онимов нередко расширяется, для читателя открывается скрытый смысл (подтекст) авторского выбора имени собственного.

Мы считаем, что антропонимы в пределах ономастического пространства художественного текста выполняют в основном символическую функцию и являются

важным средством характеристики героя. Не случайно в литературоведении существует термин *говорящая фамилия*, с помощью которого можно установить черты определенного персонажа. Вспомним, например, героя из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Фамилия судьи *Ляпкин-Тяпкин* изначально указывает на небрежное отношение персонажа к выполнению своих обязанностей, на его безответственность, чему читатель находит подтверждение в поступках и фразах: герой беззастенчиво заявляет другим чиновникам, что берёт взятки борзыми щенками, а в докладных записках не понимает ничего. Подтверждение точки зрения о символической роли антропонимов мы находим в статье В. В. Бардаковой и Е. А. Бурмистровой: «Литературные имена относятся к опорным словам, являясь текстовыми скрепами. Занимая ключевое положение в тексте, антропонимы (наряду с апеллятивными номинациями персонажей) квалифицируются как средство связности художественного текста, важное для текстообразования» [1, с. 115]. Подытоживая все вышесказанное, стоит отметить, что имена собственные, удачно подобранные автором текста, могут усилить впечатление от прочитанного. Они используются в качестве композиционного стержня в ономастическом пространстве художественного текста.

В данной статье мы рассмотрим ассоциативный потенциал и функционально-стилистическую нагрузку антропонимов в повести Дины Рубиной «Двойная фамилия». Актуальность исследования обусловлена малой изученностью современной русской прозы, а также особым творческим методом конкретного писателя, возможностью двойного прочтения текста.

В центре внимания Дины Рубиной находится семейный конфликт, причиной которого является безграничная ложь, разрушающая счастливую, спокойную жизнь сразу нескольких человек: подростка, бывших супругов. Повествовательная организация повести, по мнению Н. Ю. Букаревой, «представляет собой чередование монологов двух героев — подростка по имени Филипп и его „отца“ <...> При этом монологи персонажей тоже разные: если речь мальчика — „озвученный“ монолог, он его произносит вслух отцу, то речь „отца“ — монолог внутренний, он так и остался произнесенным...» [2, с. 138]. Постоянная смена двух точек зрения помогает читателю объективно взглянуть на сложившуюся жизненную ситуацию, оценить моральное состояние и чувства каждого. Монолог взрослого человека проникнут лиричностью, а в речи подростка концентрируется большое количество насмешек. Такая повествовательная организация создает эффект неожиданности при чтении произведения, потому что события излагаются непоследовательно, в виде обрывочных воспоминаний из прошлого, которые прерываются словами подростка в настоящем. Речь и имена собственные становятся способами раскрытия характеров героев.

Оним *Крюков-Воздвиженский* вводится на первых страницах повести и сразу попадает в фокус читательского внимания. Стоит отметить, что Дина Рубина акцентирует внимание на важности имени собственного даже в названии произведения. Интересно, что антропоним *Крюков-Воздвиженский* предшествует описанию подростка, что довольно необычно и позволяет нам говорить о принципиальной значимости этого элемента в ономастическом пространстве предложенного художественного текста.

Перед тем как перейти к интерпретации функции фамилии *Крюков-Воздвиженский*, кратко назовем главных героев и изложим фабулу повести. Талантливый инженер Георгий Воздвиженский после трех лет разлуки с «сыном» — подростком Филиппом, причиной которой стал запрет бывшей жены и ее нового мужа Виктора, находит возможность увидеться с мальчиком, забрать его на время летних каникул к себе на дачу. Именно двойная фамилия подростка становится причиной спора между героями во время поездки на машине: «Просто в тот момент, когда он

с гордостью продемонстрировал новенький, словно отутюженный паспорт с этой самой фамилией-поездом, меня вдруг как обухом: он все знает!» [5, с. 298]. Георгий воспринимает решение подростка сменить фамилию как предательство, отдаление друг от друга. Отметим, что рядом с фамилией *Воздвиженский* автор употребляет эпитеты исключительно с положительной коннотацией: «Я говорю — хорошая, звучная, церковнославянская» [5, с. 293]. В дальнейшем читатель сможет увидеть, что данные прилагательные будут характеризовать и самого Георгия как благородного человека. Мотивировка добавления к основной фамилии второго элемента подростком обусловлена социально-нравственной причиной. Филипп считает необходимым иметь в паспорте и фамилию матери, ведь именно она была с сыном большую часть его жизни: «Да, мамина не такая звучная, но, понимаешь, меня все-таки мать воспитывала <...> Так что не переживай, сказал я ему, вполне прилично: *Крюков-Воздвиженский*» [5, с. 293]. Дина Рубина подчеркивает, что подросток способен принимать взвешенные решения, он ценит обоих родителей, не хочет обижать ни мать, ни «отца».

Монолог Филиппа прерывается размышлениями Георгия, из которых мы понимаем, что подросток на самом деле не знает о своем происхождении: «Ради тебя трое взрослых людей поддерживают доброжелательные отношения по телефону, договариваются о разных бытовых мелочах, обсуждают твой характер и планы на будущее, — трое взрослых, которым давно хочется забыть друг о друге» [5, с. 299]. Бывшая жена Георгия изменила ему во время курортной поездки с мужчиной по имени Виктор, а во время долгожданной беременности, которой предшествовали восемь лет безрезультатных попыток родить ребенка, женщина побоялась признаться в своем нравственном падении мужу. Георгий узнает о предательстве лишь благодаря роковому телефонному звонку жены Виктора. Дина Рубина подчеркивает одиночество, душевную боль главного героя, который в один миг обрел и потерял смысл жизни, однако не отказался воспитывать чужого ребенка из-за привязанности: «У меня был сын, мужик, целых два дня <...> Это ты здесь дутый хозяин положения, на самом-то деле ничего тебе здесь не принадлежит. Все у тебя — понарошку, как у липового ковбоя Михеича. Липовая жена, липовый сын...» [5, с. 335]. Георгий продолжал жить вместе с бывшей женой в одной квартире до момента, когда женщина стала ожидать второго ребенка от Виктора.

На протяжении всей повести имя матери Филиппа ни разу не названо, нам известна лишь ее фамилия. Отсутствие данного антропонима играет символическую роль: героиня своим поступком разрушает сразу несколько судеб: обманутый Георгий вынужден жить с постоянным страхом, что у него отнимут неродного, но горячо любимого «сына», биологический родитель Виктор никогда не почувствует искренней привязанности со стороны Филиппа, так как вынужден молчать о суровой правде, чтобы сохранить здоровую психику подростка. Нам кажется, безымянность женщины объясняется желанием автора сместить фокус внимания с частной жизни отдельной семьи на общечеловеческие обобщения. Если бы вина лежала исключительно на героине, то в конце повести читатель не увидел бы монолог обиженной, морально раздавленной муками совести и безысходностью женщины. Мать Филиппа готова была вымаливать прощение у бывшего мужа, но тот всегда оставался непреклонным: «Пять лет наша квартира была коммуналкой. А я все равно ждала. И гнала Виктора <...> Мне тяжело уезжать, сказала она, я не люблю его, но рядом с ним я чувствую себя женщиной, а не паршивой собакой. Может, когда-нибудь ты поймешь, чего мне стоили эти пять лет...» [5, с. 341–342]. Дина Рубина вводит третью точку зрения на сложившийся конфликт и подчеркивает, что в этой неприятной истории каждый жил наедине со своей трагедией, приносил жизнь в жертву ради морального спокойствия

ребенка. Отсутствие антропонима выполняет символическую функцию: безымянность матери Филиппа становится символом царящих в современном обществе пороков, безнравственности, лицемерия.

Обратим внимание на антропоним *Филипп*, который использован при номинации центрального персонажа повести «Двойная фамилия» и выполняет важную роль в формировании образной структуры текста. На наш взгляд, на фонетическом уровне данное имя собственное не представляет особого интереса, так же, как и его этимология (из греч. *philippos* — ‘любящий лошадей, верховую езду’ [7, с. 329]). Однако Дина Рубина не случайно выбирает этот оним. В тексте подчеркивается редкость антропонима, противопоставленного широкоупотребительным и малоизвестным личным именам: «*Дура классная уже раза два острила, что мой аттестат будет филькиной грамотой. Не могли назвать каким-нибудь нормальным Сашей или Димой?.. а ты такой один на всю школу!*» [5, с. 301]. Подросток изначально чувствует себя особенным, сильно отличающимся от сверстников. Подтверждение этого предположения мы находим в тексте повести: герой с характерным ему юношеским максимализмом и эгоцентризмом отвергает идею коллективизма, стремится к свободе от формальностей, ценит свою идентичность: «*Вот тебя хватают за шиворот, суют в общий вагон, и всех в одном направлении: сначала октябрятская звездочка, потом дружный коллектив класса, потом комсомольская ячейка института, и так до конца жизни. Надеюсь, что я — единоличник!*» [5, с. 297] Вскоре читатель узнает, что у Филиппа такая же интересная и необычная судьба, как и у его имени. Эрудированность подростка подчеркивается автором в эпизоде, когда мальчик с легкостью перечисляет «отцу» Георгию двойные фамилии известных личностей, чтобы доказать, что и его новая звучит интересно. Так, обилие антропонимов раскрывает характер персонажа и создают образ умного, начитанного подростка, умеющего доказывать свою точку зрения: «*Почему — глупо? А Голенищев-Кутузов, сказал я ему сразу, а Лебедев-Кумач, а Борисов-Мусатов, а Римский-Корсаков? А Семенов-Тянь-Шанский, а Мусин-Пушкин? Ну?*» [5, с. 293–294]. Данные онимы, на наш взгляд, также позволяют ввести в текст повести историко-культурный контекст.

Стоит отметить, что в тексте повести, в особенности в монологах Филиппа, мы видим несколько моделей имянаречения, которые характерны для произведений Дины Рубиной:

- 1) только по полному имени (*Георгий, Виктор*);
- 2) исключительно по фамилии с негативной или нейтральной лексико-семантической окраской (*Свинарь, Покойный, Романюк*); именно пофамильно вспоминает подросток Филипп своих одноклассников, к которым относится с презрением, холодностью и пренебрежением: «*Знаешь, как наши дубари в классе ржали... Интересная штука: у нас есть девочка по фамилии Свинарь и парень по фамилии Покойный — и хоть бы что. Никакого эффекта. А моя — через черточку — привела их в дикий восторг и вызвала взрыв их убогой мозговой деятельности*» [5, с. 327];
- 3) по имени и отчеству как способ показать уважение к взрослым людям: соседям или друзьям родителей (*Нина Семеновна, Кирилл Саныч, Маргарита Семеновна*);
- 4) по имени с уменьшительным суффиксом как способ обращения взрослых людей к детям (*Нонка, Филиппок*).

Обратим внимание на центральный образ повести. Этимология имени *Георгий* восходит к греч. *georgios* — ‘земледелец’ [7, с. 154]. Стоит отметить, что фамилия *Воздвиженский*, принадлежащая этому персонажу, образована от названия церковного праздника Воздвижения Креста Господня [8, с. 251]. Мы считаем, что связь

с религиозным онимом позволит ассоциативно соотнести образ героя с историко-библейским архетипом Георгия Победоносца. Благозвучность и красота антропонима *Георгий Воздвиженский* соответствует и внутренним качествам персонажа, на что указывают постоянные эпитеты и сравнения, например, «*посмотрела на хорошего отца*», «*О, ты-то чистый, возвышенный, принципиальный, ты стерильный, как хирургическая салфетка!*», «*Ты сильный, ты гордый, ты благородный; не человек, а лезвие ножа*» [5, с. 314, 338, 341].

Мифологический образ великомученика Георгия Победоносца является важным архетипом в культуре и литературе. Он символизирует победу правды над ложью, добра над злом. О. Б. Сокурова в своей статье цитирует историка В. Н. Татищева и отмечает: «Образ всадника с копьем знаменовал собой харизматическую личность, которая являлась носительницей высшего справедливого возмездия <...> „вещим словом“ святого Георгия и его устрояющей, гармонизирующей деятельностью побеждаются тьма и хаос, и создается светлая и „красно прекрасная наша земля“ <...> святой Георгий считался хранителем от болезней, от нападения хищников...» [6, с. 54–55]. Отметим, что Георгий Победоносец самоотверженно спасал простых людей и царей от безверия, духовной смерти. Главный герой повести «Двойная фамилия» тоже ограждает ничего не подозревающего подростка Филиппа от суровой действительности и безнравственности современного мира. Георгий с безграничной отцовской любовью относится к чужому ребенку, не хочет травмировать его психику: «*Им не удастся отнять его во второй раз. Я буду стоять на своем до конца, и моя праведная ложь перешибет их гнилую правду!*» [5, с. 344]. Главный герой, равно как и одноименный святой-великомученик, создает вокруг себя и Филиппа отдельный мир, в котором царит спокойствие, счастье, вера в лучшее. Нравственность, чуткость, доброта, способность глубоко любить побеждают хаос жизни. Георгий находит опору в семейных ценностях, что морально возвышает его над окружающими. Узнав о том, что Филипп не является его ребенком, герой находит в себе силы и мужество заботиться о мальчике. В критический момент, когда новорожденный Филипп находится на грани жизни и смерти из-за стафилококковой инфекции, его мать лежит в больнице, а биологический отец отсутствует, Георгий выхаживает и спасает мальчика: «*Ночами я носил тебя на руках и пел нечто вроде колыбельной <...> я приглашал платных детских врачей — разных — и тех, что за пятнадцать, и тех, что за двадцать пять <...> И я заваривал череду и заваривал ромашку, лишь бы тебе полегчало*» [5, с. 319–320]. Так, «чудо исцеления» новорожденного Филиппа от серьезной болезни происходит исключительно благодаря заботе ответственного Георгия, который не отходил от мальчика ни на минуту, был готов отдать все деньги ради его скорейшего выздоровления. Антропоним *Георгий Воздвиженский*, ассоциативно связанный с историко-религиозным архетипом, помогает ярче раскрыть образ персонажа как самоотверженного, благородного, чуткого человека. Несмотря на все жизненные испытания и душевные муки, персонаж отдает всю любовь чужому ребенку, ставшему для него смыслом жизни.

Отметим, что антропоним *Виктор*, который использован для номинации настоящего отца Филиппа, также выполняет в тексте символическую роль. Нам кажется, Д. Рубина намеренно выбирает данное имя собственное с положительной этимологией (от лат. *victor* — ‘победитель’ [7, с. 143]) с целью подчеркнуть, что в ситуации лжи, которую трое взрослых создают для душевного спокойствия подростка, нет правых и виноватых. «Победа» биологического родителя Филиппа за право называться его отцом выглядит жалко: «*он пришел взглянуть хоть одним глазком на свою женщину и своего ребенка*» [5, с. 334]. Виктор вынужден выслеживать своего ребенка, чтобы увидеть его хотя бы ненадолго. Персонаж живет с Филиппом в одной

квартире, мирится с тем фактом, что его родной сын носит фамилию и отчество постороннего мужчины. Всю жизнь подросток относился к биологическому родителю с насмешкой и холодностью, называя его «*каким-то искусствоведом*», «*вполне приличным дядькой*». Нам кажется, антропоним *Виктор* помогает раскрыть идейно-тематическое содержание повести «Двойная фамилия», которое заключается в разрушительной силе обмана, а также показать образ униженного человека, который при жизни так и не узнал любви и уважения со стороны родного сына. Этимология имени собственного с положительной коннотацией, сталкивающаяся со сниженным образом персонажа, выбрана Д. Рубиной не случайно.

Таким образом, в повести Дины Рубиной «Двойная фамилия» антропонимы выполняют значимую символическую функцию. Имена собственные не только номинируют центральных персонажей, но и переходят в разряд поэтонимов, применяются в качестве средства характеристики персонажей и выполняют стилистическую роль. Внутренняя форма антропонимов, их коннотативное значение, выходящее за пределы произведения, являются потенциальными носителями эстетической информации. Это позволяет осуществлять двойное прочтение художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардакова В. В. Роль имени собственного в структуре анализа художественного произведения в начальной школе / В. В. Бардакова, Е. А. Бурмистрова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021, №10. — С. 111–119.
2. Букарева Н. Ю. Повествовательная организация рассказов Д. Рубиной 1980-х годов / Н. Ю. Букарева // Верхневолжский филологический вестник. — 2016, №1. — С. 138–142.
3. Ерохина Т. А. Поэтоним и контекст (на материале творчества М. А. Волошина) / Т. А. Ерохина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — 2019, т. 5, №2. — С. 111–123.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1978. — 200 с.
5. Рубина Д. И. Всегда, всегда? Рассказы и повести 1980-1990 годы / Д. И. Рубина. — М.: Эксмо, 2020. — 347 с.
6. Сокурова О. Б. Георгий Победоносец и «Медный всадник» как архетипы русской исторической судьбы / О. Б. Сокурова // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2009, т. 185 — С. 54–63.
7. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. — М.: Эксмо, 2003. — 544 с.
8. Унбегун Б. О. Русские фамилии. История происхождения, значение и национальные черты наследственных родовых имен и псевдонимов. — М.: Центрполиграф, 2022. — 559 с.

Поступила в редакцию 16.04.2023 г.

A. A. Kormilaeva

ASSOCIATIVE POTENTIAL OF ANTHROPONYMS IN DINA RUBINA'S NOVEL "DOUBLE SURNAME"

The work deals with the anthroponyms *Georgy, Viktor, Philipp, Kryukov-Vozdvizhensky* which are used in the story of Dina Rubina "Double surname". The relevance of the topic is determined by the lack of modern literature's knowledge and the possibility of the double meaning of the text. During the study the major functions of proper names are noted in the novel, such as: characterizing, symbolic, stylistic and evaluative. The author analyzes semantic potential of poetic names *Georgy, Viktor, Philipp, Kryukov-Vozdvizhensky* for artistic image formation.

Key words: *literary onomastics, a poetic name, an anthroponym, etymology.*

Кормилаева Александра Андреевна.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, РФ.

Kormilaeva Aleksandra Andreevna.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, RF. Student.

Студент.
E-mail: akormilaeva@rambler.ru

E-mail: akormilaeva@rambler.ru

Разумов Роман Викторович.

Кандидат филологических наук, доцент.
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: akormilaeva@rambler.ru

Razumov Roman Viktorovich.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, RF.
Associate Professor of the Russian Language Department.
E-mail: akormilaeva@rambler.ru

УДК 81'42

С. В. Пилатовская

*Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. М. Н. Панчехина)*

О СЕМАНТИКЕ КОЛОРАТИВОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается специфика колоративной лексики в художественном тексте. В качестве материала исследования выбрана повесть А. И. Куприна «Олеся». При помощи Национального корпуса русского языка было установлено, что в данном тексте отмечено наибольшее количество вхождений для атрибутивов красный, темный, черный. Интерпретация атрибутивов осуществляется с учетом идиостиля писателя.

Ключевые слова: языковая картина мира, цветообозначение, колоратив.

Язык — это основной способ формирования и обобщения человеческих знаний о мире. Изображая объективный мир в своей деятельности, общество фиксирует результаты этого познания в слове. Совокупность полученной информации, зафиксированной в лингвистической форме, называется «*лингвистической картиной мира*».

Согласно М. Хайдеггеру, когда мы используем термин «картина», прежде всего, мы думаем о представлении чего-либо, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [7, с. 41]. Существуют определенные взаимосвязи между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения. Картина мира может быть представлена пространственными (право-лево, юг-север), временными (ночь-день), этическими, количественными параметрами. На ее формирование влияют традиции народа, природа и ландшафт, язык, воспитание, образование и другие общесоциальные факторы.

Языковая картина мира, в свою очередь, предшествует «особым» картинам мира (химическим, физическим и т. д.), потому что у человека есть возможность понять мир и познать себя именно благодаря языку, в котором выражен как общечеловеческий, так и национальный социально-исторический опыт. Последнее определяет специфику языка на всех уровнях, и благодаря этой особенности в сознании носителя языка возникает некая картина мира, через призму которой личность может узнавать об окружающей действительности.

Языковая картина мира отвечает за формирование отношений человека к животным, миру, природе, к самому себе как к «неотъемлемой части» мироздания, а также отношения к нормам поведения. Каждый естественный язык отражает конкретный способ восприятия и «концептуализации» мира. Смыслы, взгляды, выводы,

закрепленные в нем, после объединяются в некоего рода «коллективную философию», которая становится обязательной для всех носителей этого языка.

Следовательно, роль языка заключается не только в непосредственной передаче сообщения, но прежде всего во внутренней организации предмета сообщения. Исторический, национально-культурный опыт конкретного языкового общества обязательно вплетается в знания о мире, закрепленные языком. Таким образом образуется мир носителей конкретного языка, т. е. *языковая картина мира* как совокупность информации о мире, закрепленной на уровне грамматики, лексики, фразеологии.

Исследование концепта цвета — сильнейшего фактора влияния всех проявлений окружающей реальности на сознание индивида — является одной из важных характеристик постижения мира. Благодаря обилию своих ассоциативных значений цвет как антропоцентрическое понятие на протяжении десятилетий не переставал интересовать исследователей в различных областях науки.

Лингвисты занимаются изучением системы цветовых обозначений естественных языков. Обширной областью исследований является сам цвет и его гармония в художественных текстах. Это довольно сложная, но интересная проблема, потому что отношение человека к цвету формируется под влиянием многих нюансов, наиболее важными из которых являются культурные факторы. Творчество любого художника слова возможно рассматривать с точки зрения приемов, характерных для создания красочных образов, что содействует более адекватному восприятию.

Каждое цветовое обозначение состоит из двух компонентов — *реального* и *символического*. В цветоведении существуют две основные точки зрения: учение о физической оптике и учение о цветовых ассоциациях, психологическом эффекте цвета; на основе второй появилась наука о *цветовой символике*, где именно цвет играет важную роль в произведении, культуре. У истоков культуры цвет был эквивалентен слову, т. е. был символом различных предметов и понятий.

Роль цветовой символики в обществе пропорциональна доле мифологизма в сознании конкретного народа. По мнению психологов, комбинации разных цветов могут возбуждать самые разнообразные эмоции и чувства, например, «красный и черный — тревогу и страх, черный и белый — торжественность и значимость» [1, с. 106].

В мире нет ахроматических предметов, нет цветов, которые не провоцировали бы у людей какой-то психологический отклик. Однако существует общая классификация, предложенная экспериментальной психологией и оптикой. Ею цвета делятся на две группы: 1. «*Теплые*, „стимулирующие“ оттенки, связанные с активностью, процессами ассимиляции и напряжением (красный, оранжевый, желтый и, в общем смысле, белый). 2. *Холодные*, „тормозящие“ оттенки, связанные с пассивностью, процессами диссимиляции и расслаблением (синий, фиолетовый и, в общем смысле, черный). *Зеленый цвет*, находящийся в промежуточном, переходном состоянии, относится к общим группам» [3, с. 18].

Колоративный состав художественного текста представлен группой слов, которые могут иметь не только прямое номинативное значение цвета, но и индивидуально-авторскую, метафорическую семантику.

Символика цвета обычно исходит из внутренних свойств каждого цвета, которые воспринимаются интуитивно из-за какого-либо объективного факта; символики планеты, традиционно присвоенной этому цвету; или отношений, выведенных с помощью элементарной логики.

Назначение цветов психическим функциям может варьироваться в зависимости от культуры или общества людей, иногда от человека к человеку. Однако в общем «синий,

цвет чистого неба, обозначает мышление; желтый, цвет нашего светила, — интуицию, что освещает, подобно вспышке молнии, происхождение и тенденции происходящего; красный, цвет огня и пульсирующей крови, нередко используется для выражения волнения и всплесков эмоций; в то время как зеленый, цвет зеленого, осязаемый для непосредственного восприятия растительного мира, соответствует функции восприятия действительности» [3, с. 19].

Писатели часто создают красочные образы, несущие в себе некий эмоциональный смысл. С их помощью можно глубже раскрыть внутренний мир персонажей или передать общий эмоциональный фон описываемой сцены, а также более полно понять идейную глубину произведения в целом.

Конечно, на цветовые предпочтения и представления о цветовой гармонии во многом влияет природа родины автора. Художник инстинктивно воспроизводит краски природы в своих гаммах или дополняет их тем, чего в ней не хватает. Этот подход ясно отражен в художественной литературе. Цветовой состав художественного произведения — это выражение мысли писателя; она не только указывает на смысловые значения, но и позволяет проникнуть в психологию писателя, понять его эмоциональное состояние при написании текста. Слова-цветообозначения превращаются в символы, метафоры, сравнения, демонстрируют отношение писателя к описываемому предмету или явлению. Всякий колоризм занимает собственное место в цветовой картине произведения. Особенности использования слов, обозначающих цвет, являются проявлением авторского стиля. В связи с этим неудивительно, что колористическая лексика уже изучалась в произведениях великих писателей, например, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. А. Шолохова, А. П. Чехова и др.

Так и повесть А. И. Куприна «Олеся» богата красками, показывающими подобные образы. К *колоративам* относится языковая или речевая единица, которая включает в себя корневой морф, семантически или этимологически связанный со значением цвета. Исследовательница Р. М. Фрумкина отметила следующее: «В русском языке „наивная картина“ мира цвета включает „семь цветов радуги“, а также розовый, коричневый и так называемые ахроматические цвета — черный, белый и серый. Эти цвета носители русского языка считают „основными“» [6, с. 120].

Цветообозначения содержат обширный спектр различных значений, зафиксированных в памяти носителей языка, поэтому они являются важной частью народнопоэтического и художественного языка. В художественных произведениях колоративы означают особую группу слов, с помощью которых выражается не только непосредственно прямое значение цвета, но и метафорическая, индивидуальная авторская семантика. Словарь цветообозначений произведения помогает читателю прочувствовать эмоциональное состояние автора. Колоративы могут быть преобразованы в знаки и символы, сравнения и метафоры, которые показывают связь создателя с объектом или явлением, которые он описывает. Каждое цветообозначение играет определенную роль в расположении присвоенного ему произведения искусства.

Основной задачей нашего исследования является описание особенностей лексико-грамматических единиц со значением «цвет» в рассказе А. И. Куприна «Олеся». Количественный состав цветовой лексики и выявление цветовой доминанты осуществляется при помощи Национального корпуса русского языка.

В ходе работы нами обнаружены наиболее распространенные адъективы со значением цвета: *красный, темный, черный*.

Красный цвет обладает базовым значением для фольклорных текстов. Адъектив *красный* в фольклоре имеет неоднозначную семантику. Им может прямо называться один из цветов (*красный* означает *красного цвета*) или, наделив его положительными коннотациями, обозначаться такие понятия, как *праздничный, красивый, хороший* и т. д.

Красный цвет уподобляется с огнем, косвенно — с теплом и защитой, жизненной силой, живым началом, кровью. Он часто обладает защитными свойствами и используется в качестве оберега. Кроме того, красный — это цвет солнца, жизни и плодородия, но также он может быть истолкован как цвет потустороннего мира, демонических и хтонических персонажей.

Красный может также иметь негативное значение (красный — *плохой*), поэтому он выступает как амбивалентный цвет, разнообразный и многозначный.

Но лингвисты традиционно рассматривают красный в значении *красивый, прекрасный*, считая его исключительно светлым цветом с положительными коннотациями.

В произведении А. И. Куприна «Олеся» отчетливо прослеживается *мотив красного цвета*. Главная роль данного адъектива — описание портрета главной героини, Олеси.

Девушка проникнута радостью жизни, движения ее легки и быстры, цветовая гамма ее образа выглядит насыщенной и яркой. *Красная юбка* и *красный кашемировый платок* ассоциируются с представлениями о красной девице — юной красавице. Вспышки переживания при появлении Ивана Тимофеевича явно заметны на ее белоснежном лице благодаря тому же цвету: «*покраснела* вдруг она, еще больше *краснея*». В данном случае красный цвет выражает символическое значение сильной и жгучей любви, страстного чувства, что также отмечается в народной символике.

Наивысший символический предел нагнетания красного цвета достигается в метафоре «*пожар вечерней зари*». Заря — это символ молодости и начала жизни. В концепции А. А. Потемби отмечается, что «желания, любовь, радость представлялись народу и изображались в языке *огнем*. Некоторые слова, означающие желание, прямо примыкают к понятию голода и жажды, а через них к горящему внутри человека огню», а «любовь есть *пожар*» [5, с. 102].

Образ главной героини усиливается соответствующими элементами: в одном из эпизодов Олеся приносит только вылупившихся птенцов зяблика с *красной шейкой*, что позволяет нам интерпретировать этот цвет как показатель витальности, молодости. Важнейшей деталью всей истории являются *красные бусы* — подарок Ивану Тимофеевичу от девушки в финале, как знак их страстной любви.

Кроме того, в портрете Олеси красный цвет переносится на другие цвета и, «подчиняя» их, наращивает спектр своих оттенков. Так появляются адъективы *багровый, смугло-розовый* и т. д. Было замечено, что А. И. Куприн и при описании ландшафта использовал красный цвет и его оттенки, а не только для создания внешних характеристик героев. Например, Иван Тимофеевич идет по лесной тропинке, которая *чуть розовела*, а лесные деревья окрашивались *багровым отблеском догорающей зари*.

Помимо этого, рассказчик при первой встрече с героиней отметил, что «прелесть его (лица Олеси — прим.) заключалась ... в *смугло-розовом* тоне кожи, в своевольном изгибе губ...». *Розовый цвет* означает непорочность и чистоту; таким образом, А. И. Куприн подчеркивает естественность, чистоту души Олеси. Это именно то, что поразило мужчину в девушке: сочетание «лесной души» и благородства. Однако второе значение розового цвета — иллюзия: возможно, Олеся была слишком наивна, потому что верила, что сможет сделать Ивана Тимофеевича счастливым, и не осознавала, что социальные условности не позволяют паре быть вместе.

Как отмечалось выше, адъектив «красный» в его различных формах создает портрет главной героини истории. Однако с той же целью автор вводит прилагательные «*черный*» и «*темный*», которые могут считаться синонимичными: у Олеси *темные глаза, темные густые волосы* и *темные синяки* на белоснежной коже. Семантика колоратива «темный» также связана с родом деятельности девушки: «исповедовала

свое общение с *темными силами*». В переносном смысле прилагательное «темный» нередко используется для обозначения чего-то секретного, тайного или даже подозрительного, мрачного.

Однако с давних пор считалось, что обладатели *черных* глаз обладают очень мощной энергетикой, у них более гибкий, инициативный и непосредливый характер. Черные глаза также считаются свидетельством и любвеобильности человека и страстности. Черноглазых людей почти никакие препятствия не остановят на пути к желаемому предмету, хотя их увлеченность может нести в себе не только радость побед, но и горечь горячих и необдуманных проступков. Это описание удачно копирует характер главной героини повести.

Черная же туча в песне слепого лирника, которую слышит рассказчик, символизирует беду, горе. Сама Олеся обладает *черным искусством*, т. е. является ведьмой.

До сих пор ведутся споры о том, действительно ли черный — это отдельный цвет. В психологии цветов он отождествляется с властью, ночью и смертью. Данный цвет олицетворяет скорбь, тайны, ненависть, отрицание, жестокость и негативное восприятие жизни.

У славян черный цвет имеет два абсолютно противоположных значения. В сказках и легендах он упоминается как зло, смерть, обман и т. д. В фольклорных текстах встречаются такие выражения, как «*черный глаз*» — человек, который может сглазить или желает зла; «*черный ворон*» — символ смерти; «*черные думы*» — мрачные, тяжелые мысли. В символике узора декоративно-прикладного искусства черный означает землю, следовательно, плодородие и материнство, что также означает женское начало.

Во вводной части повести описывается обстановка, в которой оказывается рассказчик Иван Тимофеевич. Он уезжает в далекую деревушку Полесья, чтобы отдышаться на «лоне природы», развлечься, наблюдая «естественные» нравы и «первобытные натуры», но ему встречается темнота крестьян, неприятные древние обычаи, оставшиеся от польского крепостничества (к примеру, «омерзительная привычка» целования рук и обуви барина, привитая столетиями насилия и рабства).

В портретах крестьянства писатель использовал исключительно *темные цвета*. Интерес вызывает даже цвет кожи, которая стала *коричневой* из-за упорной работы под солнцем: «Приходит, например, ко мне старая баба. Вытерев со смущенным видом нос указательным пальцем правой руки, она достает из-за пазухи пару яиц, причем на секунду я вижу ее *коричневую кожу*...». В портрете Ярмолы, служащего рассказчику, можно заметить тот же элемент: «...его *смуглое* худое лицо с впалыми *черными глазами*, все ушедшее в жесткую *черную бороду* и большие усы, ...».

Атмосфера, окружающая этих людей (крестьян — прим.), также задается *темными* оттенками: «...он, уже убрав самовар и напившись в *темных сенях* чаю, собрался идти домой». Акцент писателя на *темном* и *черном* очевиден. В этих примерах колоративная лексика также имеет символическое значение: с ее помощью писатель старается как можно ярче отобразить грубые манеры, невоспитанность крестьянства, потому и предпочитает темный цвет в их описании. У читателя невольно всплывает ассоциация с устаревшим словом «чернь», что означало «людей, принадлежащих к непривилегированным, эксплуатируемым классам», а также, что гораздо важнее, «людей, далеких от духовной жизни, высоких идеалов» [4, с. 386].

Наименее распространенными колоративами в произведении являются те, которые означают *белые* и *голубые* оттенки.

Белый цвет — символ невинности, чистоты, радости и добродетели. Он связан с солнечным или божественным светом, духовностью и истиной. Так, например,

изображение хаты, дома у А. И. Куприна связано с белым цветом, цветом чистоты: «...Вот точно вздохнуло что-то в *белой зале*, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально... На противоположном конце болота, между деревьями, выглядывали *белые стены* какой-то хаты» [2, с. 72].

Голубой цвет означает мечты, дали, ясные, невинные глаза. Многие считают, что это цвет легкости, беззаботности, воздушности. Он воплощает в себе чистоту побуждений, спокойствие, беспечность и даже пассивность. Другие думают, что он означает безразличие, холодность и отстраненность. Светло-голубой оттенок, согласно результатам голосований, производит отталкивающее действие на большинство людей.

Когда в произведении появилась ведьма Мануйлиха, автор отметил ее неприветливость, внутреннюю холодность с помощью *голубого*: «...Все черты бабы-яги, как ее изображает народный эпос, было налицо: худые щеки, втянутые вовнутрь, переходили внизу в острый, длинный, дряблый подбородок, почти соприкасавшийся с висящим вниз носом; провалившийся беззубый рот беспрестанно двигался, точно пережевывая что-то; выцветшие, *когда-то голубые глаза*, холодные, круглые, выпуклые, с очень короткими красными веками, глядели, точно глаза невиданной *зловещей* птицы». Упомянутое здесь прилагательное «*красный*» помогает воссоздать необходимую автору контрастность в портрете пожилой женщины. Такой образ старухи отталкивает, нагоняет страх.

Голубой цвет встречается и в описании душевных терзаний героини, когда она разрывается между бабушкой и самим рассказчиком: «...Только теперь я заметил, что и сама Олеся похудела за это время и вокруг ее глаз легли *голубоватые тени*. Я близко вглядывался в ее *бледное*, закинутае назад лицо, в ее черные глаза с блесквшими в них яркими лунными бликами, — и смутное предчувствие близкой беды вдруг внезапным *холодом* заползло в мою душу».

После посещения Олесей города, рассказчик мчится к ее дому и застаёт девушку в лихорадочном состоянии, видя на ее теле последствия жертвенного, самоотверженного поступка: «...два огромных *синих пятна* ... резко выделялись на *белой* нежной коже, длинные красные ссадины изборождали ее лоб, щеки и шею. *Темные синяки* были на лбу и под глазами». Благодаря приему «контраста белоснежной кожи и голубых пятен, автор отмечает несовместимость светлого и прекрасного с жестоким и грубым» [2].

У урядника Евпсихия Африкановича тоже были *голубые*, но мутные глаза, и если бы они не были мутными, — это, вероятно, было бы единственной привлекательной чертой в его портрете: «...Изредка он быстро вскидывал на меня равнодушные, *мутные*, до смешного маленькие и *голубые* глаза, но на его красной огромной физиономии я не мог ничего прочесть: ни сочувствия, ни сопротивления...».

Голубой цвет используется А. И. Куприным для описания *неба*. Тут он представлен в буквальном смысле, в его первичной коннотации: «...Побежали по деревенским улицам бурливые, коричневые, сверкающие ручейки, сердито пенясь вокруг встречных камней и быстро вертя щепки и гусиный пух; в огромных лужах воды отразилось *голубое небо* с плавающими по нему круглыми, точно крутящимися, белыми облаками...».

Итак, адъективы *красный*, *темный* и *черный* в текстах А. И. Куприна имеют одну из наибольших частоту вхождений в текст, и мы интерпретируем их как лейтмотивные, создающие цветовую доминанту произведения. Они контрастируют с *белым*, *светлым* и *голубоватым*, которые редко встречаются в тексте. Их функция заключается в создании контрастной цветописы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базыма Б. А. Взаимосвязь цветовых предпочтений и идентификации с цветом / Б. А. Базыма // Актуальные вопросы практической психологии и логопедии в учреждениях образования и охраны здоровья Украины. — Харьков, 1998. — С.106–109.
2. Григорьева Н. И. Цветовая палитра повести А. И. Куприна «Олеся» / Н. И. Григорьева // Педагогическое мастерство: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). — М.: Буки-Веди, 2014. — С. 71–74.
3. Густяков Н. А., Базыма Б. А. К вопросу о взаимосвязи мотивов и мышления / Н. А. Густяков, Б. А. Базыма // Вестник Харьковского государственного университета. — Харьков, 1986. — № 287. — С.18–25.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов // Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1990. — 917 с.
5. Потебня А. А. Слово и миф: Теоретическая поэтика / А. А. Потебня — М.: Правда, 1989. — 624 с.
6. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. — М.: Академия, 2003. — 320 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 450 с.

Поступила в редакцию 23.05.2023 г.

S.V. Pilatovskaya

ABOUT THE SEMANTICS OF COLORATIVES IN A LITERARY TEXT

The article discusses the specifics of the color vocabulary in a literary text. Alexander Kuprin's novel «Olesya» was chosen as the research material. Using the National Corpus of the Russian language, we found that in this text the largest number of occurrences for the attributives red, dark and black. The interpretation of attributives is carried out taking into account the writer's idiosyncrasy.

Key words: language picture of the world, color terms, colorative.

Пилатовская София Валерьевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: kofukami@mail.ru

Pilatovskaya Sofija Valer'evna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: kofukami@mail.ru

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

Panchehina Marija Nikolaevna.

Candidate of Philological Sciences.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Russian Language
Department.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отрасли наук 5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России;

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редакция не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru) и дублирует на адреса terkulov@rambler.ru и Nata.gladkaya25@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент, магистрант, аспирант), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: *М. Н. Иванова*;
- третья строка — название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);

- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*);
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3–5 слов, курсивом).
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:
Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 — теория языка / Комаров Георгий Владимирович — Краснодар, 2007. — 24 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. — Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю)

на английском языке;

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**

- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);

- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернет-коммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

Плата за публикацию статей с авторов не взимается

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

М. А. Капиносова

*Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. - № 5. — С. 74-85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

М. А. Капиносова

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

Капиносова Мария Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Kapinosova Maria Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2023. — № 3 (21)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй

Подписано в печать 01.06.2023
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать — цифровая. Условн. печ. л. 8,7.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г